

Сергей Ключков

[НОВАЯ ЗОНА]
ВРЕМЯ ТУМАНОВ

Апокалипсис-СТ

Сергей Ключков

Новая Зона. Время туманов

«АСТ»

2012

Клочков С. А.

Новая Зона. Время туманов / С. А. Клочков — «АСТ»,
2012 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-271-41890-7

Удачливых сталкеров мало. Счастливых – еще меньше. Бывших – просто нет... Но многие из тех, кто уходил в запретные земли за новой жизнью, мечтой, за избавлением от прошлого, возвращались оттуда с выжженной дотла душой и вечным страхом во взгляде. Опустившиеся, сломленные люди, не выдержавшие испытания Зоной. Сталкеры называют их «перегоревшими», и судьба этих бывших бродяг незавидна. Теперь их ждет только смерть или тусклое, серое существование без надежды вернуться к прошлой жизни. Семен Шелихов – один из таких сталкеров, бежавших от Зоны. Водка, случайные заработки, сырая комната подмосковной коммуналки, беспросветное будущее и постоянный, изматывающий страх от того, что Зона уже совсем рядом, и больше некуда бежать. А тут еще и арест, и странный интерес со стороны сотрудников какого-то секретного Центра, и прошлое, которое так хочется забыть, снова напоминает о себе. Существование Семена становится настолько невыносимым, что он решается на смелый, но безрассудный шаг...

ISBN 978-5-271-41890-7

© Клочков С. А., 2012

© АСТ, 2012

Содержание

* * *	6
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Клочков Время туманов

СТАЛКЕР

СТАЛКЕР

Издательство выражает благодарность и признательность Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А.Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

Сегодня, пожалуй, следовало ожидать особенно мерзкой погоды. Несмотря на раннее утро, вместо прохлады в лицо повеяло пусть легким, но уже душным, по-особенному кисловатым зноем, какой бывает только в середине прогорклого от торфяного дыма городского лета. Семен бросил только что закуренную сигарету в грязную банку, вздохнул и закрыл окно. Жара не спадала даже ночью, во дворе которую неделю смердили переполненные мусорные контейнеры, над размякшим под солнцем асфальтом мелко дрожал воздух. Все это, мягко говоря, не располагало к желанию проветрить пусть затхлую, но все же пока еще прохладную комнату старой коммуналки.

– Ох и паршиво же, братцы, – ни к кому конкретно не обращаясь, буркнул Семен. От легкого похмелья и жары немного гудела голова, во рту чувствовался неприятный привкус от скверной сигареты, и, что самое поганое, вернулся страх. Знакомое, неуютное ощущение расплзлось в груди, кольнуло сердце, Семен поежился, словно от холодного осеннего сквозняка, хотя жара заползала в квартиру даже сквозь закрытые окна. – Отпусти ты меня, сволочь. Отпусти уже, сука гадская...

Надломленная сигарета потухла, уголек впитал какой-то темно-коричневой жижи со дна банки, но Шелихов все-таки достал окурочок, оторвал намокшую часть и снова закурил. Дым неприятно царапнул сухое, воспаленное горло.

– Гадина... тварь... ну куда от тебя убежать, а?

На самом деле бежать было некуда, и Семен понял это едва ли не с первого дня на Большой земле. Есть вещи, которые забираешь с собой насовсем, словно злыдней из какой-то старой сказки – их можно найти и прихватить с собой, но вот сбежать от них – дудки, не выйдет. Сидят эти злыдни в душе, как поговаривал незабвенный Гопстоп, «у самой середке», и остается только глушить их на время крепким спиртным, после чего пытаться заснуть. Когда спишь, не страшно... ну, хотя бы иногда не страшно, ведь сны снятся не каждую ночь.

Бутылка, как и следовало ожидать, была пуста. Редко когда оставалось что-нибудь на утро, если денег хватало всего на один «флян» дешевенькой водки да на пачку сигарет. Большого Семен позволить себе просто не мог – мизерную зарплату следовало как-то растянуть на месяц, да и этих грошей вскоре могло не стать – странно, что их фирма еще умудрялась держаться на плаву. Впрочем, это, как поговаривали, ненадолго, так как «большой босс» уже активно пытался продать бизнес, ставший убыточным. Стройматериалы в Подмосковье стали уж слишком дешевы, чтобы ЗАО «Стройтех-Альтернатива» хоть как-то окупало себя. Никто не хотел строиться вблизи Города, мало того, страх, так знакомый Семену, заставлял стремительно дешеветь когда-то элитное жилье, за бесценок продавались настоящие подмосковные дворцы и замки, не говоря уже о «рядовых» квартирах и коттеджах. На столбах, остановках, стенах пестрели объявления «Продам срочно!!! Дешево! Торг при осмотре», поверх наклеенных еще вчера листов торопливо лепились новые, написанные от руки, газеты распухали от многостраничных разделов «продам или обменяю». Люди бежали. Им, нормальным, простым людям, еще можно было это сделать – уехать от Города как можно дальше, начать новую жизнь где-нибудь в Екатеринбурге, Омске, Самаре. Там вроде даже новые дома строят, заводы всякие, предприятия – рабочих рук стало с избытком, Москва был город, мягко говоря, немаленький. Кто-то из политиков даже ляпнул, что теперь, мол, есть шанс Сибирь и Дальний Восток по-настоящему освоить, не все же китайцам отдавать, а места-то там о-го-го какие, «красиво-природистые», причем прямо так и сказал, кстати. Да только люди не за «природистыми» местами уезжали в ту же Сибирь, а просто потому, что после эвакуации Города в Питере или Нижнем на беженцев не хватило жилья. До сих пор вроде не успели отстроить дома для всех эвакуированных, общежития забиты, кое-где остались еще целые палаточные города. Впрочем, находились

места и подешевле: в Воронеже и том же Челябинске не было высокого спроса на квартиры – вблизи этих городов тоже что-то творилось, что-то нехорошее, жуткое, которое хоть и не грянуло, считай, разом, как в Городе, но тлело еще, как говорят, с четырнадцатого года, даже ученых из Зоны направляли местные аномалии исследовать.

Из Зоны.

– Когда же ты меняпустишь, мразота? – шепотом произнес Шелихов. – Отстань, тварь, дай жить уже...

В том, что когда-нибудь Зона придет и поселится рядом с ним, Семен почти не сомневался. Эта его уверенность была сумасшедшей, абсолютно не подкрепленной фактами, что не мешало ей быть одновременно крепкой и ясной. Шелихов странным образом знал, что сбежать из тех мертвых земель у него не выйдет, не отпустят его насовсем давно вымершие поселки и гиблые полянки почерневших лесов. На время – да, возможно. Отдохнуть. Но потом... он просто надеялся на немного более длинный отдых. Хотя бы на несколько лет настоящей жизни без выматывающего душу промозглого страха. Что-то похожее уже было с ним, очень давно, в далеком и уже почти позабытом детстве, оставшемся несколькими короткими неясными воспоминаниями. Забылись давно и обстоятельства, и лица, даже имена друзей он помнил смутно, но знакомое ощущение странного холодного страха сохранилось до сих пор. Во втором или третьем классе после уроков он с местной пацанвой убежал играть на пустырь. Несколько заросших фундаментом, штабель плит для будущей стройки, горка глинистой земли да незаконченный колодец – четыре широких бетонных кольца, уже врытых в глубокую ямину. Бетон позеленел, порос мхом, нижнее кольцо даже в летнюю жару всегда было залито темной гнилой водой с обломками досок, кусками грязного пенопласта и обязательно десятком живых лягушек, которым уже не суждено было выбраться наверх. Они неподвижно висели в воде или сидели на досках, как-то раз даже на вздувшихся трупах нескольких поросят – местный горе-фермер просто выбросил падаль в уже готовую яму, дабы не утруждать себя земляными работами. Как раз в тот день мальчишки, найдя в колодце оригинальные «мишени», решили пошвыряться по ним камнями – раздутые шкурки издавали при попадании гулкий, почти барабанный звук, но почему-то не пробивались. Семен держался поодаль – из колодца ощутимо несло тухлятиной, от вида размокших трупиков мутило, и он уже было собрался домой, как Игорь, главный заводила их небольшой компании, разбежавшись, ловко перемахнул через колодец, крикнув: «А вам слабо? Кто не прыгнет, тот девка!».

Перепрыгнуть не сказать чтоб большую дыру в земле было несложно – даже шкет Витька со своими скромными физическими способностями перелетел ее с хорошим запасом. «Девкой» быть ни одному из пацанов не хотелось – дружба дружбой, однако в мальчишечьей компании «неудачника» начали бы шпынять, постоянно, назойливо, не говоря уже о том, что в играх бедолаге доставались бы роли в лучшем случае «пленного немца». Могло быть и хуже – «девке» пришлось бы вовсе забыть не то что про «войнушку», но и вообще про свою дворовую компанию. И чем ближе подходила очередь Семена, тем тяжелее становились ноги, тем противнее бегали по спине холодные мурашки. Если бы не дохлые поросята внизу, если б не воняло из колодца смрадно-соленым, тяжелым духом, Семка Шелихов спокойно перескочил бы пустяковое, в сущности, препятствие. «Давай уже!» – крикнул Игорь, а дружки начали тихонько, хихикая, скандировать: «Дев-ка... дев-ка... девка!»

И Семка взял разбег.

Ноги стали противно-ватными, мешая набрать скорость, и у края колодца просто подломились, вместо того чтобы с силой оттолкнуться для прыжка. Глинистая земля бросилась в лицо, мир стремительно перевернулся, прыгнул куда-то далеко вверх, потемнел. Что-то шумно бабахнуло вокруг Семена, противный холод залез в штанины, под рубашку, тухлая вода как-то сразу залила нос и рот, мешая крикнуть, по плечу крепко приложило обломком доски. И перед тем, как потерять сознание, Семка четко, в отвратительных деталях успел рассмотреть

вывернутые губы, открывшие рядок мелких почерневших зубов, выпученные белые глаза и прикоснуться к упруго-склизкому зловонному тельцу.

Через долгие сорок минут его вытащили подоспевшие взрослые. К счастью, Семка не захлебнулся, хотя и успел наглотаться воды, которой его потом долго, натужно рвало. Парень даже не поранился, если не считать ссадины на плече и нескольких синяков и царапин. Родители, конечно же, всыпали по первое число, сразу после того, как тщательно отмыли отпырка и закутали оно в несколько теплых одеял. Отныне пустырь был под строгим запретом, однако и без родительского внушения Семен туда бы уже не пошел. Ни за что. Потому как в безопасной, теплой, уютной квартире, на собственной кровати, в куче одеял Семка чувствовал, что весь мир, вся вселенная вокруг него медленно превращается в гигантскую скользкую воронку, огромную раковину со сливом, заполненным свиными трупами, лягушками и прелыми досками. И все вокруг начинает очень медленно сползать в эту дыру, колодец глотает дороги, дома, людей, все с плеском падают в зловонную воду, чтобы уже никогда оттуда не выбраться. И Семен крепко цеплялся за матрас, одеяла, спинку кровати, хотя это и не могло спасти от засасывающей протухшей тьмы, в которую можно было только медленно и долго падать, и от черной воды, где молча скалились бледно-серые пучеглазые чудовища. Несмотря на то что дом на самом деле никуда не падал, и Семка это понимал, страх не хотел исчезать. Он еще очень долго сидел в душе, иногда напоминая о себе сыпью холодных мурашек, и даже через годы Шелихов мог напрочь отбить себе аппетит, вспомнив то невольное купание. У страха была морда – вздутая, серая, с почти комично выпученными глазенками и широкой гнилой улыбкой. И Семен мог бы поклясться, что со стороны Города, с севера, в желтой утренней дымке маячит та самая харя, а в вони закисшего мусора отчетливо пробивается прогорклая нотка падали.

Шелихов закурил следующую сигарету. Мысль о горьковато-жгучем глотке стала куда навязчивее, и Семен подумал, что вот так, наверно, люди и спиваются, когда без спиртного сложно прожить даже один день. Ну или просто когда страшно и на самом деле некуда от этого страха бежать. Теперь, и он знал это точно, он будет бояться даже на необитаемом острове, затерянном где-нибудь в Тихом океане, будет бояться, даже если все ученые мира хором заявят ему, что уж на этом-то уголке Земли никогда не будет Зоны. Теперь бывшему сталкеру Серому суждено было бояться всегда.

Кто-то сказал, что бывших сталкеров, как и бывших интеллигентов или офицеров, ну просто не бывает, что «жилка» остается навсегда. Наверное, по отношению к офицеру или врачу это и справедливо, но этот кто-то забыл про одну штуку.

Сталкеры «перегорают».

Шелихов вздохнул и прижался лбом к оконному стеклу. Снова пришла трусливая, страшная, но вместе с тем навязчивая мысль о куске крепкого провода, который можно примотать к трубе отопления в подвале так, чтобы он точно выдержал вес тела, после чего тихо и незаметно помножить себя на ноль. По крайней мере «перегоревшие» в Зоне люди, не желая бомжевать по окраинам, либо стрелялись, либо навсегда уходили, чтобы точно так же бомжевать на Большой земле или, опять-таки, свести счеты с жизнью. Удачливый сталкер, которому хватило ума вовремя расстаться с Зоной, мог начать жизнь, и зачастую более чем неплохую жизнь, так как заработанного за год мыканья по аномалиям иногда хватало на десять лет безбедного существования. Менее удачливый, коих было большинство, не зарабатывал ничего, если не считать жизни, легкой лучевой болезни и немаленького багажа полезных навыков, которые весьма ценились как криминальным сообществом, так и силовыми структурами. Соответственно, безбедное существование тоже было весьма вероятно, тем более что разнообразные НИИ, выросшие на «материалах» Зоны, встречали бывших «бродяг» с распростертыми объятиями и немаленькими окладами. Невезучие сталкеры, которые не вынесли за Периметр ничего, кроме жизни (что в принципе тоже можно считать громадным, сказочным везением), могли просто устроиться куда-нибудь и просто жить, успешно привыкая к просто-жизни, про-

сто-работе и иногда даже к просто-семье. Очень невезучие сталкеры, а таких, наверно, было абсолютное большинство, через год-другой сбегали с Большой земли обратно в Зону и больше не помышляли о жизни «за Периметром», просто-работе или желании завести просто-семью. Но были еще и «перегоревшие», которых уже нельзя было назвать сталкерами. Некоторые их и за людей-то особо не считали, так, посматривали с немного брезгливой жалостью, или неприязнью, или даже страхом – ну, правильно, кому охота превращаться в нечто грязно-вонючее, испитое, «добывающее» окурки, подобранные с пола. Неприятно, очень неприятно смотреть на «бывшего», если никто из сталкеров от такого же превращения ни разу не застрахован. Потому и гоняли «перегоревших» из баров и сталкерских лагерей, так как никому из знакомых и бывших напарников не улыбалось нянчиться с уже бесполезным в Зоне человеком, когда самим приходится тщательно планировать расход консервов, боеприпасов и лекарств. Гоняли даже потому, чтоб просто рядом не маячило это напоминание того, что Зона с человеком сделать может, неприятно это ведь, мурашки по спине и мысли всякие. Да что там, и друзья, если таковые были, со временем отворачивались – те, кто «перегорел», в условиях Зоны опускались очень быстро и бесповоротно.

Перегорали по-разному. Аномальное пси-поле в заброшенной многоэтажке. Встреча с особенной, мерзостной тварью, которая, может, и не загрызет, но полудурком сделает запросто, если не полным идиотом, – из рядовых бродяг единицы могли похвастаться, что невредимыми от таких вот тварюг уходили. Народ Зоны «перегорал» частенько, иногда даже просто посмотрев на все те дела, что там творились. Чаше «горели» новички, конечно. И сталкер из молодого вроде неплохой, в прошлой жизни мог через огонь и воду пройти, а вот заблудился где-нибудь ночью, на кладбище вышел, и все – под утро, считай, старик, охрипший от воплей. Тяжко это для нормального человека – мертвых локтями распахивать, это научники могут часами втирать, что, мол, не мертвяки там ходят, а «матрицы» какие-то. Ага, «матрицы», как же. Приходилось Семену смотреть, как такая вот «матрица» из-под земли лезет... интересно, сами «ботаники» хоть раз такое наблюдали?..

Но бывало и по-другому. Иногда получалось так, что вчера бродяга спокойно ходил за хабаром, по знакомым тропинкам, ни одной твари не встретил, ни одной царапины не получил, вернулся и... и все. Следующей ходки уже не будет. Семен вспомнил, как это случилось. Как он стоял у самой границы Зоны и просто не мог сделать шаг. Словно впереди не путаница сухой травы под ногами, а край того самого колодца с падалью. И жутко-то стало из-за пустяка, глупости какой-то. Ну, что может быть страшное в силуэте обычной крыши какой-то фабричной подсобки? Два ската, один короткий, крутой, второй широкий, пологий, и все это черное в предрассветных сумерках, словно здание нарисовано тушью на листе темно-серой грязной бумаги. Но веяло от этого силуэта такой запредельной жутью, безысходностью и тоской, что ноги просто примерзли к земле, а по спине раз за разом сбегали от затылка волны ледяного колючего песка. Страшно стало до слез, до нервной дрожи, до крика – почему-то сам вид крыши заброшенного мукомольного комбината внушал настолько свирепый ужас, что Семену хотелось не бежать даже, а просто лечь на землю и свернуться как можно плотнее, закрыться и от серой предрассветной тьмы, и от заводских развалин. И ведь ни аномалий там отродясь не было, ни тварей каких – тихое местечко, брошенное много лет назад, самая граница Зоны. И Матолог, опытный сталкерюга, которого Серый вопреки своему обыкновению позвал проверить один «перспективный» участок в ближнем перелеске, присел рядом со свернувшимся в позу эмбриона человеком, хлопнул его по плечу и с искренним сочувствием сказал, что все, дружище, отходил ты свое в Зону. Хороший мужик Матолог – отвел он тогда Серого до Периметра, воякам сдал, они тогда с вольными бродягами не в контрах были, – и самолично участок тот проверил. Семен до сих пор ему благодарен – во-первых, один бы он в ту рощу уже не сунулся, понимал, что с его-то нынешним состоянием гробануться там – раз плюнуть. Если колотит, уже подступает тот сжигающий душу жар, то сталкер, даже обладаю-

щий хорошей интуицией, «чутьем» на Зону, шансов почти не имеет. Шелихову еще сложнее, во много раз, так как не было у него «третьего глаза», без которого нормальным сталкером не заделаешься, того самого чутья на Зону. Потому и ходил Серый почти во всех своих ходах по краешку, аккуратно, по приборам, собирал мелочевку. На хлеб с тушенкой хватало и на десяток патронов к двустволке, больше-то ему и не требовалось. Ни с кем особо не контактил, ни друзей, ни напарников не завел за все три года сталкерства, в бар заходил для того только, чтоб «бижутерию» сдать и продуктами затовариться. Но и врагов у Серого ни разу не случилось – опять же ни с кем он не связывался, и даже распоследний мародер был в курсе, что ловить с этого «сталкерка» в дешевом кустарном комбинезоне нечего, так как в обвислом рюкзаке максимум банка перловой каши с говядиной да полбуханки хлеба, а тот хабар, что Серый обычно из Зоны таскал, нормальные бродяги могли и пинком с тропинки отфутболить, чтоб под ногами не мешался. Даже имя свое получил он неспроста – и правда серый, не запоминающийся, ну самый что ни на есть простой искатель окраин. Друзей нет, врагов нет, успехов никаких, и даже лицо из тех, что через полчаса забываются. Ни один бродяга не мог вспомнить ни хороших, ни плохих дел Серого, и никому из них, по большому счету, не был этот человек сколько-нибудь интересен, симпатичен или неприятен. Так, элемент декора, тень в уголке сталкерского бара, просто человек в старом самодельном комбинезоне. И когда этой тени вдруг не стало, никто и не заметил почти, так, парой слов перекинулись бродяги, что, мол, запропастился куда-то сталкер, не иначе, в Зоне сгинул. Тем более этой новости не заметили, что Матолог с уникальной, редкой добычей к скупщику появился и по тому поводу устроил всеобщее угощение. Рассказал он, кто его на богатое место вывел, но народ или не поверил, или просто мимо ушей пропустил – Серого за настоящего сталкера никогда не держали.

Матолог, впрочем, оказался парнем относительно честным – не просто вывел «сгоревшего» Серого к блокпостам и слово военным замолвил, так еще и немного добычи из того перелеска отсыпал, крохи, правда, но их хватило, чтоб от Зоны подальше уехать да пару месяцев пожить. Точнее, отлежаться – тяжелый, холодный страх забивал даже желание двигаться, словно вернулись вдруг разом и колодец, и ледяная зловонная вода, и кровать с шершавой деревянной спинкой, в которую нужно намертво вцепиться, чтобы снова не упасть вниз, в серую мокрую тьму.

Семен негромко охнул и выругался сквозь зубы – окурок, догоревший до самого фильтра, обжег пальцы. В глазах защипало от злой струйки дыма, и Шелихов, подавив желание закурить третью подряд сигарету, ушел из общей кухни в свою комнату. Собственно, «общая» кухня уже фактически была его собственной, да и квартиру можно было с трудом назвать коммунальной – все жильцы разъехались по родственникам и знакомым, просто побросав свои комнаты. Жить даже вдали от Города было уже очень трудно – работы фактически не осталось, перебои с водой, газом и в особенности с электричеством затягивались вначале на дни, а потом и на недели. Ползли слухи о том, что в Городе появилась новая зараза, что границы очагов становятся нестабильны, и что Подмосковье скорее всего тоже накроет как-нибудь в начале зимы. Люди, не дожидаясь очередной эвакуации, бежали сами. В поселке из шести магазинов остался один, да и то, наверно, потому только, что частнику было очень жаль выбрасывать товар, так как транспорт подорожал неимоверно.

Впрочем, из поселка не только уезжали. На первом этаже в давно опустевшей коммуналке поселились трое мрачного вида мужиков. Днем они почти не показывались на улице, вели себя очень тихо, явно не желая привлекать к себе лишнего внимания, или просто отсыпались, так как почти каждую ночь под окнами было слышно, как тихо заводится мотор и похрустывают камешки под шинами. Семен иногда видел серую «Ниву», которую «мрачные» заводили на день в густой кустарник внутреннего двора. Мужики присматривались к Шелихову, как-то раз один из них постучался в комнату и спокойно, глядя куда-то в сторону, пробубнил: «Ты это... короче... нас тут нет. Ну, ты понял». Семен был понятливым, и «мрачные» больше никак его

не беспокоили. Чем промышляли оные личности, догадаться в принципе было не сложно – к Городу стягивался особенный люд, хорошо знакомый бывшему сталкеру еще по временам Зоны. Поэтому, когда по ночам стали постреливать, а из поселка начали уходить последние жители, Шелихов особо не удивился. Знаем. Проходили.

Поэтому, наверно, не особо удивился он, когда к нему в комнату несколько месяцев назад постучался Матолог собственной персоной.

Он и теперь лежал в комнате Серого на низком, продавленном диване, правда, узнать прежнего улыбчивого здоровяка в нем было непросто. С тех пор, как Матолог вернулся с очередного «дела», он очень сильно сдал. Семен вспомнил, что не только сиденье «девятки» было насквозь пропитано кровью, но даже на ковриках застыли толстые алые лужицы – три пулевых хоть и не пришлось по жизненно важным органам, однако крови сталкер потерял очень много. Как он в таком состоянии смог проехать от самого Города, ни разу не потеряв сознания, Серый понять не мог.

– Решил все-таки сдать меня, да, Семен? – прохрипел похожий на мумию человек и закашлялся, натужно, с карканьем выдыхая воздух, скрипнули пружины матраса. В темноте комнаты Шелихов не мог понять, оскалился Матолог или улыбнулся – впалые щеки заросли густой щетиной, уже почти бородой.

– Иначе помрешь, – Шелихов пинком пододвинул к дивану табуретку, сел, – от тебя ведь уже несет, в курсе? А я ни разу не доктор. В больницу бы тебе.

– Нельзя, Серый. Нельзя мне туда. – Матолог застонал, переворачиваясь на бок. – Эх, дружище, после того, что мы там накрутили, мне хороший срок светит. Очень хороший, поверь. А по мне так лучше сдохнуть, чем всю жизнь на небо в клетку смотреть. Ну, что там с ногами?

–левой хана, – честно ответил Семен. – Пальцы чернеют, гангрена у тебя, по ходу.

– Похоже на то. Блинский потрох... отбегался, значит. Чё с правой?

– Более-менее. Вроде заживает. – На этот раз Шелихов приврал. Признаки начинающегося некроза были и там – ранение скверное, явно попадание в кость, ногу раздуло, из раны непрерывно сочилась сукровица. – В больницу тебе надо, дурик, – упрямо повторил Семен.

– Слушай, брат... это... ты же сталкер. – Матолог вдруг вцепился в руку Шелихову и лихорадочно зашептал: – Ну ты же сталкер, мать твою, побольше моего Зону видел! Ну сходи ты, зараза, ведь рядом она теперь, родимая. Говорят, там сейчас лялек по улицам больше валяется, чем под Припятью после Вспышки. Ты ведь сможешь, я точно знаю... одно всего «сердце» надо, хреновина-то не сказать чтоб редкая, под каждым кустом небось по десять штук валяется. Сам бы сходил, да видишь, как мне ноги пулями подрихтовало, блинский потрох.

Семен отвернулся.

– Ну?

– Ты же знаешь, я горелый... – Шелихов вздрогнул. – Мне нельзя...

– С-сука трусливая... слизняк долбаный... называется, вывел гада по-человечески, помог уроду. – Матолог начал, задыхаясь, похрипывать и кашлять. – Дерьмо ты паскудное... жалко, тебе там мозги полностью не сожгло до полного дурака, мразота...

– Заткнись ты уже. – Семен отмахнулся. – Разорался, как психопат. Мог бы – сходил до Города, припер бы штуковину. Горелым нельзя в Зону, словно не знаешь...

И Матолог замолчал, тихо вздрагивая от рыданий и иногда шумно втягивая воздух.

– К этим, снизу что, ходил? – спросил он снова, в который уже раз, словно надеясь на чудо, словно Серый не говорил ему, что те, «мрачные», не сталкеры вовсе, а просто мародеры, рыскающие по Городу не в поисках артефактов, а только по чистым местам, брошенным квартирам, магазинам, складам. Ценностей осталось в Москве еще очень много – с эвакуацией торопились...

– Ну, так. Еще на той неделе.

– И чё?

– Сказали, что, если еще раз заявлюсь, пристрелят нахрен.
– Уроды... – Матолог вздохнул, снова закашлялся, отвернулся к стенке.
– В больницу тебе надо, – упрямо повторил Шелихов.
– Эх... зря, наверное, мы ту контору грохнули, Серый, – задумчиво проговорил Матолог. – Дурачьё... не помогло это. Наоборот скорее, все куда хуже стало, блинский вот потрох. Не с той стороны мы к задачке подошли, дружище, и дров наломали конкретных, и ребят ни за чих собачий положили.

– Ты о чем?

– Да так... ни о чем. Слышь, ты это, забудь, ага... и не сдавай, друг. Не хочу я на нары...

Но Шелихов уже все решил. Телефон в общем коридоре, конечно, был давно отключен, и бывший сталкер Серый направился напрямиком в местную поликлинику. Меньше чем через час у подъезда обшарпанной двухэтажки остановилась карета «Скорой». Еще через час – УАЗ с синими номерами...

Арест не стал для Семена неожиданностью. Врач «Скорой», как ему и положено в таких случаях, сразу же после оказания первой помощи сообщил «куда следует», так как налицо были три огнестрельных ранения и личность без документов. Матерящегося и проклинающего все на свете, а в особенности «урода» и «гнилую суку Серого» Матолога увезли на срочную операцию – по словам врача, одну ногу еще можно было спасти. Доктор, усталый, явно с хроническим недосыпом, не выказал никакого удивления при виде «огнестрелов», только деловито обработал раны, негромко, но зло отругав и Матолога, и Шелихова за то, что так запустили заражение. После чего, выйдя в коридор, вызвал полицию.

В СИЗО Семен просидел недолго, буквально пару часов. «Шелихов, на выход», – и Серого повели, но не в кабинет следователя, а во внутренний двор, где уже стоял микроавтобус с узкими тонированными окнами. Водитель, показав «корочку» конвою и что-то быстро подмахнув в нескольких листках, просто мотнул головой в сторону машины, залезай, мол. В салоне Шелихов оказался не единственным пассажиром – там были еще двое странного вида хмурых дядей, не выказавших к Семену совершенно никакого интереса, и заметно помятый парень с обритым наголо черепом, кровоподтеком на скуле и вздутыми, похожими на оладьи губами. Тот быстро скользнул по Шелихову взглядом, вздохнул и как-то обреченно уставился в окно.

Через примерно полтора часа езды по плохо асфальтированной лесной дороге, от чего машину постоянно трясло и покачивало на ухабах, микроавтобус остановился у пятиэтажного серого здания, окруженного высоким бетонным забором. Пока «хмурые», не особенно церемонясь, вытолкали Шелихова и бритого паренька из машины и закрывали ворота, Семен осмотрелся. Здание было еще явно советской постройки и напоминало то ли заводской цех, то ли какой-нибудь закрытый НИИ. Лес подступал к самому забору и скорее всего окружал строение со всех сторон. Не без удивления Шелихов заметил, что НИИ охраняется бойцами в настоящих армейских комбинезонах повышенной защиты. Неплохих, кстати, комбинезонах – сталкеры поговаривали, что даже научные скафандры послабее будут, хотя рядового искателя в таком комбезе еще ни разу не видели. Некоторые бродяги, конечно, получали армейскую «защиту» за разнообразные заслуги, но, как правило, или продавали, или прятали в тайнике. Слишком уж дорогая это одежда, чтобы вот так запросто в ней по Зоне разгуливать. Вооружение у бойцов тоже было более чем серьезным – не куцые АКСУ, а «заточенные» под калибр 7.62 «калаши-сотки», «Абаканы» и совсем уж непонятные стволы в сплошных пластиковых кожухах с плавными обводами. У самих ворот крепко сидели в земле бетонные пни дотов, вкопанные, похоже, совсем недавно.

– Руки за спину, смотреть под ноги, пошел вперед, – флегматично пробубнил Семену один из хмурых и слегка подтолкнул его в спину. – Давай топай.

Когда слышишь вот такой спокойный, равнодушный голос с какой-то особенной прохладной интонацией, то – и Семен это в свое время очень хорошо усвоил – лучше слушаться сразу. Иначе дядя, обладающий этой самой прохладной интонацией, ни на секунду не задумается перед сокрушительным ударом в почку или хрустким выворачиванием руки под углом, непредусмотренным человеческой анатомией. Шелихов хорошо знал тот сорт людей: спокойные, уверенные в своей силе профессионалы, для которых человек – всего лишь материал для работы. Хорошо знал и потому тихо ненавидел, как и любой сталкер, пусть и бывший. Впрочем, на рожон Серый никогда не лез, а сейчас этого делать тем более не следовало – дураку было понятно, что это серое здание вряд ли имеет отношение к следователям и прокурорам, а уж тем более адвокатам или каким-нибудь правозащитникам. Каким-то шестым чувством бывший сталкер осознал – в этой «конторе» церемониться ни разу не будут, и потому послушно потопал к входу, направляемый легкими тычками в спину. Скрипнула массивная входная дверь, ведущая в выложенный коричневой плиткой гулкий коридор, в лицо пахнуло характерным, немного терпким «конторским» запахом, какой бывает обычно в старых институтах или школах, – смесь хлорки, мокрого кафеля и пожелтевших книг, а также почему-то легкой ноткой заброшенности, той особенной пустоты, какой обладали почти все здания Зоны. И было еще что-то определенно знакомое, хотя и неприятное ощущение присутствия той самой атмосферы, от которой Семен в свое время попытался сбежать. Шелихов даже остановился на несколько секунд, поежившись от неприятного зуда между лопаток, ледяного касания где-то внутри, за грудиной. Очередной тычок в спину вывел Семена из секундного замешательства, и Серый пошел дальше, однако ледяная иголка так и не вышла из груди, а знакомый и уже смертельно надоевший страх заставил сильнее биться сердце. Арест и камера почему-то не могли напугать бывшего сталкера так, как это сделал легкий привкус Зоны в воздухе сыроватого, прохладного коридора.

– Заходи. Сидеть тихо, не орать, чё надо если – стукни в дверь, услышат. Приборы, само собой, не трогать. – «Хмурый» по-прежнему не смотрел на Семена.

– А... это... – Шелихов попытался сформулировать вопрос, но все было пока слишком непонятно.

– Начальство вызовет и растолкует. – Дверь, обычная деревянная дверь в облупившейся белой краске, закрылась за «хмурым», и в замке звякнул ключ. Вынести хлипкий дверной замок в общем-то ничего не стоило, но Семен решил, что этого делать, мягко говоря, не следует. Точно так же можно было и выбить стекло в широком, светлом окне бывшего, похоже, кабинета или небольшой лаборатории, но Шелихов понимал, что и это скорее не просчет «хмурого» относительно арестанта, а просто уверенность в том, что данный «объект» все правильно понял и дурить не станет.

– А вот в этом вы, господа хорошие, таки правы. – Семен вздохнул и осмотрел свою новую «камеру».

Похоже, что это здание и в самом деле когда-то было НИИ или даже, возможно, больницей: у дальней от входа стены стоял лабораторный стол с вытяжкой и несколько узких стеклянных шкафов, в углу находился массивный, допотопного вида прибор с огромным колпаком из матового стекла и пучком разноцветных кабелей. Впрочем, на письменном столе стоял вполне современный плоский монитор и странная конструкция из десятка черных «кирпичей», соединенных между собой тонкими стеклянными трубками и проводами. На экране непрерывно скакал яркий зеленый график и бежали столбцы чисел. У самого входа располагались железная койка, аккуратно, по-армейски застеленная, тумбочка и небольшой раскладной столик. Относительно кровати указаний от «хмурого» не поступало, и Семен, сняв ботинки, лег и не без удовольствия растянулся на скрипнувшей сетке – усталость давала о себе знать. Только легкое, свербящее ощущение опасности, так знакомое еще в Зоне, а также полная неизвестность не

давали расслабиться и заснуть, и Семен долго лежал на спине, рассматривая потолок и пыльные лампы в металлических абажурах.

Ближе к вечеру Шелихову принесли ужин, можно сказать, достаточно неплохой – большая тарелка макарон с подливой и крупно порезанным тушеным мясом, хлеб с маслом и копченой колбасой, печенье и два стакана – один с горячим крепким чаем, другой – с компотом из сухофруктов. Ко всему этому великолепию, на удивление, полагалась еще и маленькая бутылка светлого пива, запотевшая крупными каплями воды. Если Семена и арестовали, то держать на тюремной баланде явно не собирались.

На следующее утро в «камеру» заглянул высокий тощий мужчина в очках и синем лабораторном халате. Кашлянув в кулак, он несколько секунд внимательно рассматривал Шелихова, затем почему-то хмыкнул, пожал плечами и неуверенно пробубнил:

– Семен... эээ... Андреевич? Мнэ-э-э... вас зовут. Да. Идите за мной.

Серого повели на четвертый этаж НИИ – в том, что это действительно институт, Шелихов уже практически не сомневался. Точно так же не возникало сомнений и в том, что именно изучают в этом самом институте. Видел сталкер уже и эти синие, с особой пропиткой лабораторные халаты, «биологические» комбинезоны с мелкими кольчужными сетками и бронированным пластиком шлемов. Видел даже мощные просвинцованные скафандры, созданные специально для работы с так называемыми артефактами. Потому, наверно, Шелихов уже догадывался, зачем он вдруг стал нужен этим синим халатам, и даже слегка усмехнулся, думая, что зря местная профессура на такой знатный ужин запасы тратила да из СИЗО Серого, бывшего, правда, Серого в свой НИИ тащила. Толку-то в нем теперь ноль для науки всяя человечества. Горелый сталкер – уже не сталкер, а так, видимость одна. Сюрпризом для Шелихова стал только человек, для которого его, оказывается, и вытащили прямо из-под следствия.

Яковлева, похоже, знали почти все бродяги Зоны за исключением, наверно, только самых что ни на есть зеленых новичков. Многие даже считали академика самым главным «ботаником» всех институтов, занимающихся вопросами Зоны, хотя это, конечно, было не совсем так – Яковлев был просто одним из восьми ведущих ученых Московского отдела института. Тем не менее фигурой он был и в прямом, и в переносном смысле более чем значительной. В научном мире он был известен как автор четырех фундаментальных монографий по теории аномальных изменений пространства-времени и физике «анобов», доказавший, что артефакты на самом деле не являются искусственными объектами. Нобелевский лауреат, физик, чьи энциклопедические знания позволили ему параллельно координировать работу биологических лабораторий, заниматься исследованиями аномальной фауны и даже написать несколько научных работ по данной тематике. Среди военных и сталкерского контингента Яковлев был известен как единственный академик, вышедший в многодневные экспедиции непосредственно в Зону, опытный сталкер и боец, способный наравне с бывальыми бродягами отражать атаки мутантов и бандитов. Даже внешне Яковлев мало напоминал обычного кабинетного ученого – очень высокий, плечистый, подвижный, а уж за легендарный голос сталкеры давно наградили его именем Гавриил – от баса Яковлева звенели стаканы и содрогались стекла в рамках. Академик пользовался безраздельным уважением как у коллег-ученых, так и у сталкеров – именно он добился молчаливой и нигде не задокументированной «легализации» сталкерства и вместе с профессором Зотовым сумел наладить нейтральные отношения между сталкерами и военными, что пошло на пользу и тем, и другим. При этом Гавриил ухитрился получить дурную славу у самых разных инспекций и непосредственно у многих работников институтской администрации – академик испортил не одну карьеру и вышиб из института столько народа, что хватило бы, наверно, на небольшой городской митинг безработных.

– Входите. – Не глядя на стоящего в дверях Шелихова, Гавриил листал бумаги в большой серой папке, а рядом с письменным столом мялся, переступая с ноги на ногу, обритый паренек, изредка шмыгая носом. Там же Семен увидел и знакомого «хмурого».

– Ну и как это понимать, Владислав? – спросил Яковлев, захлопнув папку. – Я, конечно, понимаю ваше старание, но тащить сюда всех, ну, то есть абсолютно всех, мягко говоря, неразумно.

– Виктор Николаевич, вы ведь указали в приказе за номером...

– Да-да, указал. Но ведь, дорогой вы мой человек, необходимо при выполнении приказа немножко и голову включать. Вот посмотрите... Полунский Игорь Станиславович, он же Яша, он же Всхлип. По некоторым – заметьте, некоторым – данным мелкий... ммм... джентльмен удачи со стажем в Зоне четырнадцать дней.

– Шестнадцать, – тихо буркнул «джентльмен».

– А... хм... ну что ж, тогда это коренным образом меняет дело, – кивнул Гавриил. – В таком случае приносим вам свои извинения, дорогой вы наш сталкер.

«Хмурый», которого, как теперь понятно стало Семену, звали Владиславом, негромко хмыкнул, но под взглядом Яковлева снова принял свой обычный подчеркнуто серьезный вид.

– Далее... по прибытии в родные пенаты в первый же день – заметьте, в первый же, – попался на продуктовом рынке при попытке стащить палку сыровяленой колбасы. При этом был избит бабушкой-продавщицей, и ею же сдан наряду полиции. Бабуля – одуванчик божий – запросто отделала сурового бродягу Зоны.

– Жрать хотел. – Всхлип почесался. – Фигли делать, если хавка пипец скока терь стоит, а лавандосов них... ни фига нет. Ну, спер, дальше чё?

– Мда... – Яковлев покосился на Всхлипа. – Здесь не кабинет следователя, глубокоуважаемый Игорь Станиславович, и я ни в коем случае не пытаюсь вас обвинять в краже и даже в какой-то степени, можно сказать, понимаю. Я лишь говорю о том, что: а) вы попались на пустяковой краже, и, соответственно, б) вас отлупила старушка. Владислав, я полагаю, вы меня поняли правильно.

«Хмурый» кивнул.

– Да, конечно, Виктор Николаевич. Обратного отвезти?

– Хм... не думаю, что это хорошая идея. У нас и так не особенно ясные отношения с представителями закона, м-да... если мы начнем каждому дареному коню смотреть в зубы и отправлять обратно... скажем так, неквалифицированные экземпляры, то это может повлечь проблемы, в том числе на довольно высоком уровне. И без того я безмерно благодарен министру за это разрешение, поэтому у меня нет никакого желания делать ему какие-либо неприятности в виде, например, слухов и излишнего в данной ситуации интереса журналистов.

– Прикажете... м... – «Хмурый» поднял брови и тихо щелкнул пальцами.

– Право, какой вы... – Яковлев болезненно поморщился, снял очки и сокрушенно покачал головой. – Я, конечно, все понимаю, но методы ваши мне чрезвычайно не нравятся. Есть у нас какая-нибудь рабочая вакансия здесь, в отделе?

– Да, немного есть. Пятый этаж еще не отремонтировали как следует, надо хлам выносить. Оборудование привезут скоро, его, наоборот, затаскивать надо будет... на пищеблоке тоже руки нужны.

– Решено. Так, Игорь Станиславович, слушайте меня очень внимательно. Сколько лет отсидки вам обещали у следователя за кражу?

– Не в курсе я, – буркнул Всхлип. – Этот, который со мной говорил, бумаги попросил подписать, типа, что вину признаю и больше так не буду, и отпустил бы на следующий день.

– Ну и как, подписал?

– Мне чё, жалко закорючку намалевать? – хмыкнул «джентльмен». – С меня не убудет.

– Сказочный... интеллект. – Яковлев посмотрел на «хмурого». – Не обижайтесь, дорогой вы мой специалист по найму, но чтобы притащить в один из центральных отделов ЦАЯ вот такого, с позволения сказать, рекрута, необходимо лишь незначительно превышать его уровень.

– Но ведь в приказе за номером шестнадцать черным по белому написано... – «Хмурый» исподлобья глянул на академика. – Я следовал прилагаемым к приказу инструкциям...

– Да, да, конечно. Понимаю. Инструкции... как же плохо, драгоценный вы мой, когда бумажка заменяет человеческий разум. Теперь вы, молодой человек. Вас, любезный, насколько мне известно вот по этим бумагам, должны были осудить по сто пятьдесят восьмой статье. Так как у вас уже были похожие прецеденты некоторое время назад, то, соответственно, вклеили бы вам, товарищ, от двух до шести лет, и это только в том случае, ежели в тех бумажках, что вы мудро подмахнули не читая, значится только этот несчастный рулон колбасы.

– Чё?! Хренассе! Да ну на, за колбасу шесть лет? – «Джентльмен» даже подпрыгнул.

– За колбасу, – утвердительно кивнул Яковлев. – А также за четыре килограмма копченого мяса, шесть бутылок коньяка, два килограмма шоколадных конфет, девять банок красной икры и, что самое удивительное, всей дневной выручки из кассы несчастной старой женщины.

– Чё за гон? Я же только колбасу взял и деру хотел дать! Чё ты лепишь, дед?

– Да ну? Лепить мне ничего не нужно, уважаемый, ибо вы в письменной форме указали, что действительно украли продукты и деньги. Закорючка-с, друг любезный, которую вам не жалко было подмахнуть.

– Так... меня же там и поймали... откуда, нафиг? Колбасу забрали тут же!

– Да, забрали. Однако... – Яковлев надел очки, полистал бумаги. – Остальные продукты и деньги вы успели передать сообщникам, скрывшимся в толпе. А это уже – кража в составе группы лиц. Или, может быть, даже ограбление – я не особенно силен в юридических вопросах...

– До семи, – подсказал «хмурый».

Бритый паренек сник.

– У меня к вам предложение. – Яковлев с заметным сочувствием во взгляде посмотрел на «джентльмена удачи». – Поймите меня правильно... я не могу считать вас преступником, молодой человек. Да, не удивляйтесь. Не оправдывая вашего скверного поступка, я, однако, в состоянии понять, что такое не есть несколько дней. Вы поступили нехорошо... но с вами поступили не в пример хуже, чем вы того заслуживали. Соответственно, я даю вам возможность исправить ваше не столь значительное преступление таким же небольшим взысканием. Вы поработаете здесь некоторое время, поможете на кухне, потаскаете кирпичи... ну, скажем, месяц-другой. После чего я оформлю на вас особые оправдательные документы. Взаперти вас держать, конечно, не станут, но... пытаться бежать не советую. Ребята, что охраняют это место, настоящие профессионалы своего дела, так что вы не убежите от ворот дальше, чем на тридцать метров. Вам все понятно, уважаемый?

– Да чё... нормаль. Это не шесть лет на нарах, я же не тупой, понимаю. А если жрать давать будете так же ништячно, как вчера, то я чё, дебил отсюда валить?

– Э-э... еще одно. За эти два месяца после работы будете читать... вот эти книги. Обязательно. – Академик нацарапал несколько названий на листке. – Перед выходом я вам устрою экзамен по прочитанному материалу. Не сдадите – оставлю еще на два месяца работ. Ясно?

– Дык...

– Значит, с этим мы закончили... Владислав, можете увести... кгм... задержанного.

– А с этим?..

– Нет, вы точно можете идти. – Яковлев утвердительно кивнул. – Ваша помощь в этом вопросе мне уже не понадобится.

«Хмурый» и Всхлип вышли за дверь, а Яковлев начал молча листать бумаги в следующей папке.

– Здравствуйте, Гавриил, – с легкой улыбкой поклонился Семен, и академик крепко пожал протянутую руку.

– Приветствую, Серый. Присаживайся, поговорим немного. Тут, видишь ли, написали про тебя столько бреда вот в этой папке... Владик на самом деле парень-то очень неглупый и как специалист грамотный, проколов почти не допускает. Единственное, слишком уж поклоняется всяким инструкциям и правилам в ущерб разумному. Впрочем, про тебя он тут такого накалякал, что, право, я и не знаю, откуда мой помощник по кадрам насобираал таких легенд.

– Каких же?

– Что Серый выдохся полностью, перегорел и живет тихой мышью где-то на отшибе. Что можно было его и не забирать из СИЗО, так как от Всхлипа толку будет намного больше, чем от «горелого» сталкера. Что... цитирую... «никто и зовут никак», представляешь?

– У вас на самом деле хороший помощник, проф. Он все правильно сказал – я действительно горелый. Окуроч. – Шелихов даже немного улыбнулся, удивившись тому, как легко и просто дались ему эти слова. – Я отходил свое в Зону, крутые горки сивку укатали до полного хлама. Перегорел. Больше не могу. Просто погибну через пять шагов. Ты же в курсе, наука, как Зона сталкера ломать умеет и что из человека на выходе получается.

– Вот как... надо же. – Яковлев встал, подошел к окну и долго смотрел в небо. – А не похож ты на сломанного человека, Серый. Я ведь тебя знаю, не так ты прост, как кажешься. Это для всех ты по краешку Зоны ходил да разную бижутерию подбирал, однако были, точно были у тебя серьезные, крепкие выходы. Я ведь с одним опытнейшим товарищем до Припяти дошел, не без потерь, кстати, и проводник наш там сгинул. А потом в городе ты нас встретил и вывел, и еще я в курсе, что «черный хрусталь» именно ты ученым принес. И за три года, считай, ни царапины ты не получил. Специально очень интересовался вашей персоной, жаль только, что ты потом с нами работать отказался. Очень жаль, сталкер.

– Не люблю я рисковать, проф, сами знаете. На рожон несколько раз, пусть и удачно, слазил, а больше судьбу испытывать ни к чему. Зона и по мелочевке кормила меня неплохо, на хлеб с салом да на патроны хватало, а большего мне и даром было не нужно. Больше – всегда лишнее.

Яковлев хмыкнул, пожал плечами.

– Знаешь, друг мой, а ведь ты мог бы стать и в самом деле неплохим сотрудником, если б не эти твои... запросы, точнее, отсутствие оных. И все-таки почему ты почти всю свою Зону по краешку ходил и хлам собирал? Ведь начинал ты уже как опытный, а закончил, прости, как зеленый новичок.

– Говорю же, наука, что мне хватало. В курсе ты или нет, но у всех дельных бродяг имеется что-то вроде особого датчика на зонные пакости – интуиция там, особое шестое или там седьмое чувство, а вот у меня его нет, хоть тресни. В том, что выжил в нескольких опасных рейдах, так просто, считаю, повезло мне, бывает такое, что сталкеру изредка везет. Но только изредка, проф. Удачу даже один раз опасно испытывать, а уж рисковать раз за разом – это, не в обиду сказано, для дураков. Не верю я в счастливую судьбу или несчастливую просто потому, что знаю: нет судьбы, есть только случай. Кто этого не понял – до сих пор в Зоне лежит, костями светит, а я, как видишь, живой, и руки-ноги на месте.

Серый откинулся на спинку стула, сжал кулак и начал по очереди отгибать пальцы.

– Смотри, проф. Первое – по краю да по спокойным местам особо дорогого ничего не попадалось, сам сказал, один хлам, мелочь. И не только я и ты про это знаем, а все, кто в Зоне живет. И потому Серого грабить и убивать неинтересно – нет у него в рюкзаке никаких вкусных штук, на старый автомат да комбез-самоделку ни один мародер не позарится. Второе – серьезного зверья по моим знакомым, хоженным местам почти не бывает, а уж от мелочи я и своим стареньким автоматом отмахиваюсь. Третье – хоженные места, знакомые, край Зоны – большая редкость встретить там особо паскудную аномалию. Очень большая редкость, факт. А те, что есть, я и слышу, и вижу без всякой там чертовщины вроде сталкерского чутья, которое еще и не факт, что существует. Четвертое – знаю я уже, чего от этих мелких, дешевых, но

зато знакомых до боли штуковин ожидать, что ни одна из них меня не убьет, не облучит и не поломает.

– Что, так-таки и ни разу не находил ничего редкого? – поинтересовался академик.

– Так Зона же. – На лице Семена появилась задумчивая улыбка. – Ну, как не находил? Подбирал, было дело. Что чудное попадалось если, непонятное, то сохранял, конечно. Нет, не продавал, а в местечко одно складывал – был у меня один тайный колодец, схрон, там и обустроил я тайник. Четыре штуковины там лежало, каких я раньше не видел, да и в базе данных они не значились. Если такое скупщикам нести, то слух пойдет, что Серый, подлец, не только бижутерию собирает, но и кое-что посущественнее, а зачем оно мне надо, лишнее внимание? Я этот колодец в той самой странной рощице как раз и сдал одному неплохому человечку, когда почувал, что начинаю гореть и что мне считанные ходки остались.

– Матологу?

– Ему. Хотел вместе дойти, да скрутило меня в узлы на подходах, сделало окурком. Сталкер небось до сих пор думает, что нашел он сам те редкостные вещицы, артефакты. Честный он парняга, кристалл просто, знаю я его – так бы пополам деньгу разделили, ну а раз один дошел он до моего схрона, то, значит, и вся добыча его. Поделился он со мной тем не менее, не кинул, как поступил бы любой другой сталкерюга – я-то перегоревший, таких в нашей компании и за людей не считают.

– Ну а почему ты не рассказал Матологу, что это твой тайник? – Яковлев поднял брови.

– Да потому что Серый не сталкер, а мусорщик, – Семен рассмеялся. – Начни я ему заливать, что есть у меня такие артефакты, он решил бы, что я того, рехнулся, и так еле уговорил его «рощицу проверить». Самому мне их продавать нельзя было – нет у меня таких связей с местными дельцами, чтоб разом этакое барахло толкнуть и при этом в живых остаться. Матологу же – раз плюнуть. Он-то и со связями, и с авторитетом среди своих, с ним связываться не станут. Да и чувствовал я, что могу до своего схрона не дойти – такой страх не то что с ума сводит, саму душу до корней выжигает. У вас ведь тоже есть научники, что в Зоне перегорели. Ты знаешь, проф, что это такое.

– Знаю, – серьезно кивнул академик.

– Тогда я не понимаю тебя, наука. Зачем ты меня сюда припер и разговоры разговариваешь? Может, как того «желтмена», тоже на кухню приставишь или еще какие-нибудь кирпичи таскать? Давай уж я вместо него, а? А товарища в Город – он в отличие от меня в него хотя бы зайти сможет.

Яковлев поморщился, вздохнул и внимательно посмотрел на Серого.

– Значит, не пойдешь?

Серый не ответил. Он молча взял со стола сигареты, прикурил и, не глядя на Яковлева, начал пускать кольца дыма. Цель, с которой его вытащили из изолятора, стала окончательно ясна, и разговор перестал быть для Семена сколь-нибудь интересным. Бывшему сталкеру было даже почти что наплевать на то, что его ждет завтра – тюрьма ли, улица, даже, наверно, смерть. Удивительное дело, но Серый вдруг ясно осознал, что боится костлявой намного меньше, чем Зоны. Эта мысль даже заставила его рассеянно улыбнуться.

– В Москве умирают люди, – глухо проговорил Яковлев.

– Знаю, – спокойно кивнул Семен.

– Умирают ученые. Хорошие, незаменимые ученые, умирают десятками, сейчас счет пошел уже на сотни. Просто замечательные люди, со многими из которых я знаком лично. Умирают для того, чтоб понять наконец, с чем мы столкнулись и как это остановить. Да, я знаю, что мы так и не разобрались в том, что такое Зона, да, мы не прислушались к предупреждениям, да. Но мы должны, понимаешь...

– Удачи вам в этом. – Шелихов поднялся и потушил окурочек.

– Ты... – Академик внимательно посмотрел на Серого.

– Нет. Говорю вам – нет. Я и в той Зоне всего раз был проводником для вашей группы, больше не хочу. Да если бы и хотел – я уже горелый, наука. Ты знаешь, как это страшно для нас, как это ломает. На этом все.

– Проклятие... как бы я хотел, чтоб ты валялся безногим в тюремной больнице, а передо мной сидел на этом вот стуле дурак и преступник Матолог или еще кто-нибудь из той группы, что так страшно наломала дров, по недомыслию уничтожив московский Центр. Ну почему ты, Серый, мусорщик, бывший сталкер, сейчас здесь, а Викинг, Фреон и еще множество бесценных людей или глупо погибли в драках между собой, или просто пропали в то время, когда они так нужны... почему, черт возьми... пошел вон. Трясись всю свою оставшуюся жизнь, горелый, – тебе только это теперь и остается.

– Слышь, ты... – Семен сжал кулаки и начал приподниматься со стула. – Я тебя, наука, уважаю, но за такие слова могу и шнобель поломать.

Яковлев сжал кулак и с колючим прищуром сразу ставших ледяными глаз тихо проговорил:

– Попробуй. Давненько научному мужу не приходилось на кулаках спорить. От дискутирую так, что родная мама не узнает.

Поговаривали, что Яковлев, несмотря на то, что академик, да еще и нобелевский лауреат, однажды раздавил в ладони свежее яблоко, легко гнул в пальцах монеты и таскал с собой снаряжения больше, чем любой сталкер из сопровождения. Ходили также слухи, что мог Гавриил не только гласом бить виновного, но и десницею покарать зело изрядно: Зона, говорят, воспитала в ученом совсем не научные навыки и приемы.

Яковлев, впрочем, только лишь положил руку на плечо Семена, но бывшему сталкеру показалось, что его придавило балкой.

– Не советую, сталкер. – Академик покачал головой. – Не доводи до греха. Очень я сейчас зол и на тебя, и на всю шайку тебе подобных, да и просто зол на все вокруг. Сил уже не остается никаких. Тут трусость твоя еще...

– Я перегорел, – угрюмо буркнул Семен.

– Виктор Минский, биолог, перегорел два года назад во время ночного забега по Зоне – группа спасалась от локального всплеска пси-активности, погибла половина состава экспедиции. Сейчас Минский, перегоревший в Зоне ученый, нашел в себе силы пойти в Москву. Он и два проводника из ваших недавно связывались с Центром – они дошли уже до Автозаводской и двигаются дальше. Василий Конюхов, физик, тоже, как ты говоришь, «окурок», недавно вернулся из города с материалом на десять диссертаций и грузом ценнейших образцов. Борис Вайсман, эколог, специалист по аномальной фауне, перегорел, когда погибла группа сопровождения, был атакован «матрицами» по трупам... м-м... по-вашему – зомби, и две ночи провел на крыше насосной станции, отбиваясь от кадавров. Когда его забрала спасательная экспедиция, он не мог даже говорить. Боря в сопровождении одного неплохого человека добрался уже до Тимирязевской, где составляет шестнадцатый отчет, после чего пойдет дальше, к центру города.

– Этого не может быть. – Шелихов отрицательно помотал головой. – Перегоревшим нельзя в Зону. Это нереально, проф.

– Для тебя – возможно, это так. Они – сумели. Победили свой страх и пошли.

– Но ведь...

Академик шелкнул ключом в замке сейфа и достал прозрачную пластиковую запайку, в которой лежало с полсотни крошечных шприцов-тюбиков.

– «Седатин-8», достаточно неплохая химия. Не способствует эйфории и полному бесстрашию, как предшествующий препарат, но внимание не рассеивается, руки, как утверждают, не трясутся, голова соображает без сбоев. И, что характерно, не вызывает зависимости и тяже-

лых побочных эффектов. На первое время ребята спасались этим, теперь вроде и так справляются. Так... Владислав, уведите товарища.

«Хмурый» немедленно вошел в кабинет – видимо, так и стоял под дверью, ожидая приказов начальства, – и негромко буркнул знакомую фразу: «Давай топай». Шелихов поднялся, посмотрел на академика, но тот углубился в бумаги, даже не взглянув на бывшего сталкера.

– Куда его?

– В лабораторию пока, где и был, а завтра... ну, завтра решим. И, друг мой, если не сложно, принеси бумаги остальных вместе с термосом кофе. Хочу сегодня уже с этим делом разобраться, работа не ждет.

– Будет сделано, Виктор Николаевич. Что-то еще?

– Нет-нет, пока больше ничего не нужно. Ступайте.

И Шелихова привели в уже знакомую комнату, где он и пролежал на спине несколько долгих душных часов. Какие-то смутные, неясные мысли не давали покоя. Снова пришел знакомый страх, к которому Семен так и не привык, как не может привыкнуть человек к пусть и не сильной, но настойчивой, ноющей зубной боли. Снова стаи холодных мурашек и внутренний озноб, снова вертеться на постели, мечтая о горьком глотке, и перед закрытыми глазами – серый бетонный колодец, а вместо воды в нем – хмурое небо Зоны, ржавые машины, прокисший болотный дух и острая озоновая вонь аномалий. Как сказал Гавриил – трясись всю оставшуюся жизнь, Серый. Трясись, когда засыпаешь и просыпаешься. Пусть тебя ломает от страха по дороге в магазин или на работу. Пусть вечером в темном переулке мерещится тебе серая скользкая туша с выпученными глазами. И водка, и снова – пьяное забытие, и головная боль поутру, тошнит, и от чего больше – неясно. То ли от страха, то ли от жестокого похмелья – надирался в последнее время Серый безобразно, до полного забытия. Мутило так, что трудно было дышать, что спазмами схватывало желудок, а потом, после «поправки» пивом, когда немного опускало, оставалось или идти на работу, или просто сидеть, тупо уставившись в стену, не думая ни о чем... кстати, работа. Вряд ли Семена хватятся – там, похоже, не до него. Шелихов вспомнил, что в редкий день на месте была хотя бы половина сотрудников, да и для тех, кто все же приходил, работы не было – в последний раз со склада что-то вывозили две недели назад. Зарплаты скорее всего тоже не будет – деньги у фирмы давно кончились... да тут еще и арест, будь он не ладен. Ни разу не понятно, где придется жить завтра – обратно в СИЗО, а потом или тюрьма, или же снова брошенная коммуналка, где остается только доедать последние сухари. Или... и снова поганенькая мысль о куске крепкого провода. Окурки. Не человек, уже смирившийся с этим фактом.

Шелихов сплюнул вязкую слюну прямо на пол, рывком поднялся с кровати и подошел к окну. В здании было сыровато и прохладно, но в форточку повеяло знакомым зноем – безумно жаркое лето решило не кончаться с наступлением сентября, и, похоже, жара продержится еще долго. Над асфальтной площадкой перед НИИ, над огромным ржавым ангаром и даже над лесом тряслись и дрожали волны перегретого воздуха, раскалившееся до белизны солнце жарило изо всех сил. И все вокруг – блеклый, словно покрытый пылью серовато-зеленый лес, площадка, машины, мающиеся от жары люди – казались какими-то обреченными, смирившимися, ожидающими, когда и эту иссушенную землю неизбежно накроет дыханием Зоны...

И ведь некуда бежать. Что тюрьма, что коммуналка в заводском поселке, что вот этот НИИ – для Шелихова мир очень знакомо свернулся в скользкую воронку, затягивающую всё и вся в свою холодную мокрую пасть. Вслед за Москвой плавно съезжал в Зону и этот лес, и старый ангар, и само здание НИИ. Семен закрыл глаза, пережидая очередной приступ страха. Сердце знакомо заколотилось, отдавая в горло тошными толчками, онемели ноги, и Шелихов едва не заскулил по-собачьи, как побитый щенок.

– Не могу так больше, – прошептал сталкер Серый, до хруста, до кровавых лунок в ладонях сжав кулаки. Ужас вцепился в душу Семена, отравил ледяным ядом сознание, но сталкер

уже решился. Ведь пошли же горелые «ботаники» в Город, получается, смогли, значит, и он справится, ведь все равно страшно, везде и всегда страшно, а там, может быть, Серый переломается, очистит душу от этого вечного озноба.

– Не могу так больше, – повторил он и, пока решимость еще не иссякла, долбанул в дверь ногой. – Слышь, охрана! Веди к начальству!

– Короче, наука... сколько за рейд денежек у вас теперь полагается скромному бродяге? – Шелихов деловито стукнул пальцами по столешнице. – И как со снарягой? А то нынче гол как сокол – ни комбеза, ни ствола.

– Налажено. – Яковлев даже не удивился, просто кивнул. – Деньгами не обидим, сейчас бюджет исследований больше, чем когда-либо.

Шелихова опять окатило морозом. Перехватило дыхание, нехорошо затряслись колени, но сталкер, порывисто выдохнув, продолжил спокойным, деловитым тоном:

– Тут вы, наука, знатную синь рекламировали, спецом для таких, как я, горелых. Знаешь, профессор, мне бы десяток-другой этих шприцов в дорогу. А то скрутит не вовремя, облажаюсь ведь.

– Это без проблем. – Яковлев просто пододвинул пластиковый пенал. – Не больше двух инъекций в сутки, учти, средство все-таки термоядерное, советую быть с ним поосторожнее. Сам знаешь, что от пятого ультраседатина с головой случается, а здесь даже клинические испытания не совсем закончены. И, Семен Андреевич... ну, бросьте вы уже этот жаргон. Не идет как-то вам, сталкер.

– Добро. Как скажешь, Гавриил. – Стараясь не показать, как трясется рука, Шелихов забрал упаковку «Седатина-8».

– Завтра пройдешь инструктаж и получишь снаряжение. Скоро прибудет твой напарник, Серый. – Яковлев крепко пожал Шелихову руку, улыбнулся. – Теперь вот узнаю человека Зоны. Молодцом, Семен.

– Знаешь что? А иди ты, наука, к лешему. Смотри не перехвали. Перед вы... выходом дурная примета. – Дыхание все-таки перехватило, но Семен справился. – Сколько обещаете?

– В среднем за один удачный выход минимум около трехсот тысяч рублей плюс премии за доставленный материал. То есть за анобы, фото, видео. Теперь сетка оплаты поднялась, так что, думаю, получите еще больше. Особенно Центр интересуется анобами, советую учесть.

– Артефактами то бишь?

– Вот ведь привычка... – Академик усмехнулся. – Да не рукотворные это объекты, уж в чем, а в этом наука уже точно разобралась.

– А какие же тогда?

– Шут знает, – громыхнул басом Яковлев. – Материал у нас накопился, очень много данных, в том числе и видеосъемок, что так называемые артефакты образуются не искусственно, а от взаимодействия аномальных полей. Другой вопрос – каким образом они там образуются. Так что правильно – анобы, или аномальные образования.

– Хабар, арты, хреновины, прибуды, бижутерия, штуки, фигни. – Шелихов начал загибать пальцы. – Еще можно цацки, плюшки, навар, фиговины, дуровины... и всем, в том числе вашим «ботаникам», понятно, что именно им из Зоны приперли. Веришь, проф, я по-всякому эти ваши артефакты..

– Анобы!

– Ну, анобы обзывал, однако ни один скупщик или лаборант не переспрашивал, об чем это я. Ведь если вы до сих пор не в курсе, чё это за хреновина с разноцветными лучиками и магнитными полями, то так ли уж важно к ней верное слово подбирать?

– Это ты, братец, к сожалению, правильно подметил. – Яковлев усмехнулся. – Твоя правда, не в курсе пока наука, что за вещи нам Зона дарит, – в курсе только некоторых свойств. Но и сам подумай, как будет выглядеть доклад?

Гавриил посерьезнел, откашлялся и прошелся возле окна.

– А теперь, уважаемые коллеги, я бы хотел рассмотреть недавно открытые свойства хреновины за номером двести семнадцать. Данная приبلуда при воздействии жесткого гамма-излучения испускает быстрые нейтроны, а также образует у поверхности лабораторного стенда несколько плотных нестабильных сфер сжатого пространства-времени, обладающих чрезвычайно высокой энергетикой. Опыты в связи с этим свойством хрени за номером двести семнадцать считаю нужным прекратить, иначе, уважаемые коллеги, может долбануть так, что от лабораторного комплекса не останется в прямом смысле мокрого места. Штуковину за номером двести семнадцать считаю нужным поместить в свинцовый контейнер и отправить на специализированный полигон для дистанционного изучения.

Шелихов улыбнулся, а Виктор Николаевич, кивнув, продолжил:

– По крайней мере это бы неплохо разнообразило научные доклады – я-то еще поддерживаю внимание коллег, а вот на докладах Синявского ученые могут и вздремнуть ненароком. Так что для меня эти все ваши прибуды будут называться «аномальные объекты», а ты, друг мой, хоть горшком их обзови, только приноси побольше. Если что нам и поможет, то только вот эта, как ты говоришь, «бижутерия». Завтра сходишь в подвал вот с этой бумажкой. – Яковлев размашисто подписал синий бланк и передал Семену. – Снаряжение. Не обессудь, совсем уж современными образцами не обеспечим, но все рабочее и надежное. После встретишься с Игорем – его ты и будешь сопровождать в Москву.

– Еще один момент. – Шелихов забрал бумагу. – Тут со мной один человек был, звать Матолог. Он сейчас вроде как в тюремной больнице обретаться должен... ну, вы его вытащите, если можно, и на ноги поставьте. Товарищ очень грамотный.

– Сволочь этот ваш товарищ. Дурак. – Яковлев сердито кашлянул. – Не разобравшись, что к чему, ЦУМ со своими дружками уничтожил, идиот. Теперь из-за этого дурня мы потеряли большой запас времени, ладно, хоть успели эвакуироваться.

– Так заберете?

– Уже. Лежит ваш Матолог в нашем ведомственном госпитале, ногу ему спасают «родниковым сердцем» – как раз несколько штук Конюхов из города принес, удачно, скажем так, сходил. Еще бы чуть затянули с гангреной, то даже анобом ногу бы не выправили. Говорят, регенерация идет успешно, через три месяца должен уже ходить, а что лучей нахватается от «сердца», так вашему брату не привыкать.

Шелихов вышел в коридор и на негнущихся ногах проследовал за «хмурым» в ставшую уже почти своей комнату. Там, едва прочитав инструкцию, выцарапал из пенала крошечный овальный шприц и ткнул стальной волосок иглы в сгиб локтя. Отпустило быстро – ни сонной одури, ни вялости, как от «седатина-5», Шелихов не ощутил, но средство и впрямь было весьма эффективным – в голове прояснилось, перестали дрожать руки, и привычное, холодное ощущение в груди впервые со времен Зоны куда-то ушло, уступив место миру и спокойствию. Семен перечитал инструкции к применению и состав препарата, отметив заодно ощутимый «химический» запах от шприцов-тюбиков и написанные красным шрифтом противопоказания и ограничения – их было не сказать чтоб много.

– Фигня... прорвемся, значит. – Шелихов улыбнулся, с истинным наслаждением растягиваясь на постели. – А хорошая штука – этот самый восьмой седатин... э-эх, если бы тогда, в Зоне, таким лекарством поправиться...

Через минуту Серый крепко спал без сновидений.

Утром Семена ждали инструктаж и «выдача оборудования». Собственно, все инструкции Шелихов получил в виде ролика на компьютере и флэшки с файлами. Видимо, Яковлев

решил, что для бродяги с трехлетним стажем и этого будет довольно, или же, что скорее всего, в ноль не ставил такие инструкции. Уж кому-кому, а Гавриилу-то точно было понятно, чего стоят в реальной Зоне все эти выкладки, советы и предписания, – говорят, на глазах у ученого погиб целый отряд спецов, наизусть знавших всю «технику безопасности». Серый отстраненно прослушал через наушники усыпляющий бубнеж «специалиста» о том, по каким признакам на местности определяются аномальные зоны, как пользоваться детектором и как ловчее пристрелить набегающих тварей. Среди нескольких по-настоящему дельных для новичка советов попадались, мягко говоря, не особенно толковые. Шелихов решил, что ролик был составлен кабинетным специалистом, для очистки совести поспрашивавшим сталкеров и полевых научных сотрудников. Было похоже на то, что и сам инструктаж был придуман исключительно для галочки – люди, действительно знакомые с Зоной, давно поняли бесполезность подобных инструкций. Когда «кино» кончилось, в комнату заглянул казавшийся немного помятым лаборант. Спросил, нет ли каких вопросов по теме, выключил компьютер и провел Шелихова в подвал. Там его уже ждал «хмурый», который теперь выглядел куда приветливее, чем в первую встречу.

– Владислав Чернов. Можно просто Слава, хотя и Владом тоже зовут. – Чернов крепко пожал руку Семена. – Ну что, закончил с инструктажем?

– Ну, можно и так сказать. – Шелихов пожал плечами. – Ничего нового не узнал.

– И не узнаешь. По крайней мере из того кина, что ты недавно смотрел. Добавлю от себя – там не совсем та Зона, к которой ты привык. Некоторые из ваших быстро осваиваются, некоторые – сложнее, знаю трех знаменитых бродяг, что вообще не смогли в Москве даже простые маршруты для техники проложить. Сколько людей, столько и мнений – кто говорит, что там вообще фигня, как по бульвару ходить можно, для кого-то – Зона и есть Зона, а по некоторым отчетам в аду проще бывает, чем в Городе. Короче, аналитический отдел у нас буксует пока – данные противоречивые и слишком пестрые, чтобы делать какие-то выводы. От себя скажу...

Владислав ненадолго задумался, затем мотнул головой, словно решившись.

– Короче, друг, там полная хана, если быть честным. Не только мародеров куча, так еще и твари что ни день, то новые, по ночам из метро что-то такое прет, что одним видом с ума свести может, аномалии, временные воронки и прочая, пока совершенно неизученная дрянь. Что и как с этим делать – мы еще не в курсе, остается только наблюдать.

– Потому и отправляете научных, я так понимаю?

– Научников? Хм... ну и словцо. Да, потому и отправляем, чтобы хоть как-то разобраться. Да только ученых, незаменимых ученых, у нас немного. Потеря каждого – удар не только по нашему Центру, но и по вообще всем шансам победить эту заразу. Мы уже потеряли в Москве половину научного состава, причем в сопровождении очень опытных бойцов, людей, которых я подбирал лично. Людей, в которых я был уверен совершенно. Они все погибли.

Чернов надолго замолчал, на его скулах заиграли желваки, и Семену показалось, что взгляд «хмурого» сверкнул откровенной ненавистью.

– Погибли. Все. Тогда Яковлев предложил для сопровождения экспедиций находить уголовщину вроде тебя. Да не смотри волком, я вас, сталкеров, как облупленных знаю – шесть лет начальником четвертого пропускника в той еще Зоне насмотрелся. По мне, так всех вас...

Владислав осекся и опустил плечи, хотя взгляд, направленный на Шелихова, потеплевшим назвать было сложно.

– В общем, несмотря на мой протест, Яковлев приказал разыскивать бывших мародеров, сталкерье из Зоны сманивать любыми средствами, разыскивать вас по разным бандам и притонам. Те, кто разжирел с зонного хабара и особняки отстроил, сразу на фиг посылали. Остальные кто по наркоте скололся, кто спился, кто, как ты вот, в дыру забился и свое доживал... людей среди вас немного, в основном шкуры.

– Слушай, псина... – Шелихов приподнялся и сжал кулаки. – Я твою породу хорошо знаю. Ты, мразь, по людям с вышки днем стрелял, а ночью за хабар и деньгу их же в Зону пропускал, в курсе я, с чего у барбосов на пропускниках ремни на брюхах не сходились. И ты мне, сука, тут проповедь не читай, а лучше вспомни, почему вы в каптерках водку трескали вместо того, чтоб в Зону ходить, кто вместо вас «ботаников» охранял и дороги провешивал. Ты, может, и жив сейчас потому, что какой-нибудь Ваня вместо тебя в аномалии сгинул.

Удар у Чернова поставлен был хорошо. Кулак, пролетевший мимо уха Серого, обдал тугой волной воздуха, шевельнул волосы, но сталкер за долю секунды почти на инстинкте отклонился немного назад и вправо, затем на автомате присел, уклоняясь от второго сокрушительного удара, одновременно с этим нанеся короткий злой тычок костяшками пальцев в пах «хмурого». Чернов глухо взревел от боли, согнувшись почти пополам, а Серый, не поднимаясь, рубанул кулаком по налившейся краснотой шее. Удар пришелся чуть ниже уха, и его силы могло хватить для того, чтоб человек потерял сознание, но «хмурый», видно, хорошо держал удар. Точно так же не получился рубящий в почку – Семену показалось, что он долбанул кулаком не по спине, а по бетонному блоку – мышечный каркас «хмурого» впечатлял. Впрочем, удар частично достиг цели – Чернов взвыл еще громче, но уже распрямлялся, и Шелихов понял, что его сейчас в лучшем случае просто покалечат. В худшем, может быть, даже убьют. По крайней мере в яростном хрипе бывшего начальника пропускника зазвучали нехорошие ноты.

– А ну прекратить! – Оперный бас Гавриила отскочил от бетонных стен, но Чернов уже мощно, без замаха гвозданул Серого по плечу – от этого удара Семен не смог увернуться, и рука сразу отнялась, повиснув плетью, – «хмурый» бил профессионально. Следующий удар должен был раскрошить сталкеру зубы и сломать челюсть, но Яковлев успел ухватить разбушевавшегося военного за шею и толкнуть от Семена. «Хмурый», несмотря на внушительные габариты, отлетел к стене, едва не сделав сальто, – сила у академика была действительно медвежьей не только по слухам. Чернов, хрипя от ярости, вновь кинулся в бой, но Яковлев неожиданно профессионально «принял» его быстрым захватом, вывернул руку и красиво уложил на кафельный пол, придавив коленом.

– Прекратить, я сказал! – гаркнул он еще раз так, что казалось, с потолка посыпалась штукатурка. – Майор Чернов, отставить немедленно.

– Есть отставить... – на удивление спокойно пробубнил лежащий Владислав, и академик помог ему подняться.

– Опять за старое? – спросил он у военного таким тоном, каким обычно учитель отчитывает ученика-двоечника, в очередной раз не подготовившего домашнее задание. – Сколько раз вам напоминать о том, что оскорбления и уж тем паче рукоприкладство не-до-пус-ти-мы! Что вы себе позволяете? Чуть что, начинается...

– Да все они уроды, Виктор Николаевич, – как-то бесцветно буркнул, словно сплюнул Чернов. – Не пойдет нормальный человек в Зону. А уж тем более не выйдет оттуда... кто знает, может, эти козлы и растащили заразу по всей стране...

– Майор Чернов! – Академик прищурился. – Если бы не эти, как вы выражаетесь, «козлы», мы вообще ничего и никогда бы не добились. Ни там, ни здесь. А кто растащил – еще не очевидно. Давай-ка ключи от оружейной, я сам выдам оборудование... все. На сегодня свободен.

– Виктор Николаевич...

– Завтра в десять ноль-ноль быть на месте. А пока остывать и отсыпаться. Все, Владик, уходи, отдышись... не дело так, друг мой. Сегодня я сам.

Дождавшись, пока за «хмурым» закроется толстая, обитая металлом дверь, Яковлев обернулся к Серому.

– Не держи на него зла, уважаемый... он в каком-то смысле тоже горелый – много натерпелся от вашего брата. Честный, знаешь ли, очень, настоящий человек... не по нутру ему были и взгляды, в сторону отведенные, и мзда со сталкеров – гонял и своих, и чужих по этому поводу, рапортами начальство заваливал. Стреляли в него не раз из-за угла нечистоплотные дяди, а когда и свои втихаря прибить хотели – он службу в Зоне забросил и обозлился окончательно. Но человек, поверь, золотой – я ему верю как себе, если не больше. Не знаю, что бы Центр без него делал.

– Может, и так. Но я вояк, хоть и бывших да честных, не выношу, проф. Крови они мне попили будь здоров. – Шелихов потер плечо, где уже наливался багровый синяк. – Уж не обессудь. И учти – если в ходку отправишь, то лучше этого со мной не посылай. Не надо.

– Что ты, право слово. Не в обиду, но вы как дети. – Яковлев вздохнул. – Неужели так и осталась привычка, как у зверей, по цвету шкуры всех делить? Ну глупо же, просто невыносимо глупо, уважаемый! Скажи, ну вот если бы заплутавших солдат в Зоне встретил, то неужели бы не вывел?

– Само собой, вывел бы, – кивнул Шелихов. – Иначе им до первой аномалии дорога, знаем, видели.

– Вот видишь! А здесь тогда почему так?

– Там – это там, Виктор Николаевич. А здесь – это здесь. Две большие разницы, как говорят в Одессе.

– Скажи еще, что здесь вам не тут, – улыбнулся Яковлев. – Хорошо, понял я тебя... военных в сопровождении не будет, хотя и была мысль дать вам третьим толкового бойца.

– Он в Зоне был, проф?

– Немного да, полгода на «внешней точке» пробыл, после легкого ранения из госпиталя был вызван к нам – Владик постарался. Контрактник, доброволец, но, как мне кажется, не по идейным соображениям – хочет парень денег подзаработать на семью да на жилье. Женат, дочки у него есть, по-моему, они в Самаре сейчас.

– Парень из эвакуированных, я так понимаю?

– Да. Москвич. – Яковлев согласно кивнул головой. – Далеко ведь не всем жилье досталось после эвакуации, а в палатках зимовать, знаешь, удовольствие сомнительное.

– Если за деньгами идет, то пусть будет, – неожиданно для академика согласился Серый. – Эти обычно без идейных заездов и к психике меньше склонные. У них как-то к Зоне отношение... ну, осторожнее, что ли. Меньше рискуют и на амбразуры не кидаются.

– Эх... ну и человек же ты, сталкер, – академик усмехнулся. – А я вот все больше идейным в Зоне доверяю, и что-то ни заездов у них не обнаруживал, ни прочей, как ты выражаешься, психики. Знаешь, бродяга, у меня между лопаток нехорошо свербеть начинает, если спину взялся прикрывать тот, кто в Зону за одними только деньгами пришел.

– И что, стреляли? – спокойно поинтересовался Семен.

– По счастью, нет. – Яковлев пожал плечами. – Однако мне все же куда проще с идейными. Кстати, контрактник из тех, с кем я бы в Зону пошел. Вам тоже советую.

– И кто еще идет?

– Ученый. Мой бывший студент, физик, второе, биологическое образование получил здесь, практически дистанционно, в общем, голова золотая. Доброволец – вызвался сам.

Шелихов немного поежился. Не нравились ему разные «добровольцы», ох как не нравились. Сколько раз видел, как гребятся в Зону именно те, кто туда лез именно за мечтой, идеей какой-то, – либо просто пропадали такие без следов, либо и сами умирали, и проводника заодно гребили. Очень капризна сволочь Зона. Какой-нибудь мелкий мародер, таскающий из брошенных домов цветмет или сервизы, годами может по гнилым поселкам лазить, а мечтатель и пяти шагов от лагеря не отойдет. Проповедники, разнообразные искатели правды, люди, что за Мечтой шли даже на смерть, обычно эту самую смерть и находили. Зоне, похоже,

было наплевать, кто в нее приперся – полусумасшедший оккультист или простой честный романтик, – жрала и тех, и других с одинаковым равнодушием. Своя у нее, паскуды, справедливость. Бывали, конечно, исключения, отдельные случаи, которые правило только подтверждали. Была, была в Зоне одна парочка, какой-то матерый бродяга с девчонкой, где только не ходили, но, по слухам, добегались все-таки – во всех барах и лагерях поминали, хоть и перегорел в то время Серый, однако же, тот случай запомнил. Потом, конечно, слухи пошли, что вернулись они, да это уже скорее всего байки – с той стороны сталкеры только в одном виде возвращаются. Зона, тварь, и мертвым покоя не дает.

– Эх, наука... уж эти мне добровольцы, – сморщился Шелихов. – Мрут они, проф, словно мухи. Нельзя таким в Зону.

– Послушай, сталкер... ты, не кто-нибудь, а именно ты нас из мертвого города вывел, когда все проводники наши полегли в аномалиях. Ты, Серый. И мы все выжили там. И среди нас не было ни одного человека, кто бы пошел в экспедицию силком или по меркантильным соображениям. Ты нас вывел. Если кто и проведет Игоря в Москву, то только ты.

– У вас просто крепких, надежных сталкеров не осталось, наука. Мусорщик я, не более, считай, всю свою Зону по мизеру собирал. То, что вывел вас, так это просто повезло нам по крупному. Во второй раз такого везения уже не будет.

– Ты нас вывел, – упрямо повторил Яковлев. – Мусорщик, говоришь? Как же ты тогда до мертвого города дошел, по мизеру собирающий?

– Глупость свойственна человеку, никто из нас не идеален в этом плане, проф. Я был большой дурак, что туда поперся, а вы еще тупее, так как целой экспедицией туда сунулись. Самоубийство, проф, большущий грех, если вы не в курсе.

– Тогда я тебя совсем не понимаю, Семен. Ты же согласился на задание.

– Ну, согласился.

– Так в чем же дело, уважаемый?

– Эх, проф... не от хорошей жизни я в Город собрался. И не в деньгах интерес у меня, они дело десятое, если честно. Я человек скромный.

– Неужели науке решил помочь? – с намеком на иронию спросил Яковлев.

– Да чихать я хотел на вашу науку, не в обиду тебе будь сказано. Занозу я иду вытаскивать, проф. Болит, сволочь, жить не дает. Сил уже просто нет никаких.

– Понимаю. Это хорошо, сталкер. Правда хорошо.

– Да ну тебя на фиг, проф... – отмахнулся Серый.

Яковлев хмыкнул, достал из кармана небольшой коммуникатор, нажал несколько кнопок.

– Будьте добры, Тимохина в подвал... и выпишите ему сразу ордер на выдачу оборудования, я заполню... да, конечно. Ладно-ладно, если что, то все вопросы ко мне. Жду.

Через несколько минут по лестнице спустился низенький и весьма упитанный мужчина с круглой, похожей на тонзуру лысиной.

– Господин академик, заявки на обеспечение составляются заранее и утверждаются в администрации. Под монастырь вы меня когда-нибудь подведете с вашими... внезапностями. Сами понимаете, оружие, без особых разрешений такая статья может влететь! Невозможно просто с вами...

– Михаил Васильевич, ну, довольно... все бумажки оформите задним числом, это ведь несложно. Если что, можете сослаться на пункты шесть и девятнадцать особых разрешений для ЦАЯ за моей подписью.

– Сегодня, может быть, и разрешено, – буркнул Тимохин. – А завтра, уж простите за выражение, за все эти задние числа меня могут крепко взять за, соответственно, заднее же место. Законы никто не отменял, несмотря на все эти чрезвычайные обстоятельства.

– Разрешаю валить все на меня. Если это самое завтра наступит, то, уважаемый, я смогу найти оправдания всем, как вы говорите, злоупотреблениям. Прошу заметить, на самом высшем уровне.

Михаил Васильевич грустно вздохнул и зазвенел ключами от «закромов». Тяжелая металлическая дверь с натужным скрипом открылась, замерцали лампы дневного света, и Шелихов почувствовал легкий, очень знакомый запах: смесь металла, ружейной смазки, пищевых концентратов и даже смолистого дерева от новых ящичков. Так обычно пахло в подвалах барыг Зоны и складах «ботаников», где разные штуковины из Зоны превращались в тушенку, патроны, сухари, водку, а если ходка была немного удачнее, чем обычно, то и на тонкую «котлету» зеленовато-серых или оранжевых бумажек. Знакомо все... Зона словно решила вернуться к Семену еще и в запахах, словно мало ей было новостей, слухов и плотной, почти физически ощутимой волны ужаса, что распространялся от Москвы.

– Идите за мной, – ворчливо пробубнил Тимохин, поворачивая в одну из боковых комнат бывшего, видимо, убежища, переоборудованного под склад. – Вас ведь трое будет?

– Да, стандарт, – кивнул Яковлев.

– Тогда получайте... так... по два сухая каждому, итого шесть. – Михаил Васильевич положил на стол коробку зеленых пластиковых упаковок – Серый узнал в них весьма недешевые, но очень высоко ценящиеся сталкерами ИРП(б). Такими наборами мог похвастать не каждый бродяга – «армейцы» обеспечивали «иэртэбэшками» только одну, «свою» группировку Зоны, не раз военных выручавшую, а те, обеспеченные, не горели желанием делиться.

– Побольше бы... – Шелихов подтащил к себе плотную зеленую запайку, щелкнул по ней ногтем. – Мировая штукенция.

– Не допрете, – ответственный по снабжению отрицательно покачал головой. – В Москве, если что, магазины остались, можно набрать консервов, говорят, сроки годности не вышли, выберете.

– Допру. – Серый взвесил запайку на руке. – Еще один давай.

– Ну, смотри... так, теперь с одежей. Извиняйте, господа хорошие, армейские защитные комбезы выдать не могу – запрещено. Слишком уж добыча будет заманчивая для местных мародеров, их сейчас в Москве тьма, и ничего с ними пока не сделаешь – в Город нужно регулярную армию вводить. Так что лопайте что дают – размер вроде ваш.

Рядом с сухайками лег комплект обычной армейской камуфляжки, разве что цветом немного посерее, да и ткань была заметно толще.

– Ну и нафига мне это тряпье? – Шелихов разочарованно отодвинул костюм. – Вы же научники, должна быть у вас одежка посерьезнее. Только дурак в Зону в камуфле попрется...

– Там не совсем та Зона, сталкер, – тихо проговорил Яковлев. – Поверь, разницы особой нет, что вляпаться в местные аномалии в тяжелом скафандре, что вот в этой, как ты выразился, камуфле. Результат один будет... да и о радиационных очагах пока сведений не поступало.

– Ну, это не совсем тряпье, дорогой товарищ, – немного обиженно протянул Тимохин. – Конечно, далеко не броня, но штука достаточно прочная, не промокает, почти не режется – новая ткань, специально для полевой формы разработанная.

– А если пуля?

– Если попадут, то, значит, все, – хмыкнул академик. – Знаешь, сталкер, я пока ни одного случая не знаю, чтобы бронжилет или шлем действительно спасали человека от винтовочной пули или очереди в упор. А те, что спасают, весят столько, что через несколько часов по пересеченной местности ты все на свете проклянешь.

Шелихов неохотно забрал костюм и армейские ботинки с высоким берцем – конечно, это было не совсем то, чего он ожидал. В «Кольчуге» или даже «Покрове» сталкер, конечно, чувствовал бы себя куда увереннее. Знакомых, привычных по Зоне приборов Серый также не

получил, и это тоже не добавило хорошего настроения – к любым новинкам сталкер относился очень подозрительно.

– Вот... «Шелест-3». Весь комплект, как говорится, в одном флаконе. – Тимохин вскрыл небольшой пластиковый кофр и вытащил нечто, очень похожее на большой телефон-«раскладушку» с широким дисплеем и тремя толстыми, смахивающими на пеньки антеннами. – Модель новая, но уже проверенная. Широкополосный сканер аномальных полей во всех диапазонах, следящий интеллектуальный модуль, система предупреждения «Сенсор-М», блок питания на анобе, заряжать не придется. Встроен также очень неплохой дозиметр, но он, наверно, не пригодится. Противоударный корпус, начинка стойкая к электромагнитным импульсам. Могу дать только один на группу. Ну и три ПМК для связи. Все настроено. – Рядом с детектором легли знакомые Серому мини-компьютеры. – Но особо не советую рассчитывать на уверенную связь. К сожалению, принимает не всегда и не везде – спутниковый сигнал искажается большую часть времени, а станции-передатчики регулярно или горят, или за каким-то чертом ломаются местным контингентом.

Напоследок ответственный выдал рюкзак и походную аптечку, после чего вся компания проследовала к бронированной двери оружейной. Выбор там, на первый взгляд, был не особенно велик – Шелихов не заметил ни снайперского оружия, ни зарубежных образцов. В основном на стеллажах стояли ящики с АК-74М и «цинки» с патронами, на отдельных стендах тускло поблескивали воронением стволы автоматических дробовиков, еще какое-то незнакомое Семену оружие лежало на столах.

– Есть у вас юсовские эф-энки, что спецом для джунглей были придуманы? – с некоторой надеждой спросил Шелихов.

– Это какие же?

– Модуль штурмовая винтовка плюс подствольный дробовик. Эф-эн, Фабрик Насьональ.

– Так это же вроде Бельгия, при чем тут американцы? – удивился Тимохин.

– Они как-то заказывали в двенадцатом году. Назревал у них там конфликт в Южной Америке, – пояснил Яковлев. – Хорошее, кстати, оружие, я предлагал закупить, но, как всегда, вмешались наши твердолобики. Нет у нас такого, сталкер, и, наверно, еще долго не будет.

– Тогда беру автомат. – Серый кивнул в сторону ящиков с АК.

– Дело ваше, – Тимохин пожал плечами. – Но я бы посоветовал одну новую модель попробовать, буквально месяц назад массовый выпуск наладили. Оружие на базе того же самого автомата Калашникова, но со схемой булл-пап, что-то вроде ОЦ «Гроза», только размером, само собой, побольше. Единственное, вместо гранатомета подствольный дробовик имеется – многоцелевой вариант, короче.

– На сколько зарядов ваш подствольник?

– Только на три, к сожалению. Зато калибр двенадцатый.

Шелихов задумался. Многие сталкеры часто брали с собой в Зону не привычный «калаш», а легкий пистолет-пулемет и дробовик с самой крупной картечью. Первого вполне хватало против двуногих зверей, второго – для всех остальных. Страшная штука – девять картечин. А если из двух стволов быстрый дуплет – то во врага уже летят восемнадцать свинцовых шариков, каждый из которых размером почти соответствует пистолетной пуле из «макарова», притом что скорость у картечин на ближних дистанциях даже выше. И что такое эти «восемнадцать пистолетов» разом и в упор, Серый видел. Редкая тварь такую свинцовую оплеуху выдержит, а уж что с человеком делает густой сноп картечи, Шелихов предпочитал не вспоминать...

– Тяжел небось... – сталкер предположил одну из самых неприятных сторон комбинированного оружия.

– Ну... есть немного. Около четырех с небольшим кило.

– Терпимо. – Шелихов прикинул, что и как разместить в рюкзаке и от чего скорее всего придется отказаться. Термос, наверно, побоку, водку тоже можно не брать – не особенно ува-

жал в той, старой Зоне это средство Семен и зачастую ходил без «фляна» в рюкзаке. Ходил миф о том, что радиацию беленькая выводит, хотя единственное, что она у сталкера выводила, так это здоровье из печени – многие, ох, многие бродяги никакой меры не знали...

– Беру, короче. – Семен решился.

Оружие внешне и впрямь напоминало «Грозу», с той лишь разницей, что выглядело намного длиннее за счет дробовика, от чего казалось громоздким. В комплекте шел также простенький коллиматорный прицел – оно, впрочем, было и правильно: снайперским назвать пусть модернизированный, но все же «калашников» было сложно. Несмотря на внешнюю «ляпи-стость», в руки оружие легло удобно, хотя Шелихов и отметил, что баланс «гибрида» был далеко не идеальным. В остальном «помесь» отличалась знакомыми узлами старого доброго автомата Калашникова – Семен решил, что без особого труда освоит новое оружие.

– Надежное хоть? – спросил он больше для очистки совести, так как «ствол» уже начинал нравиться.

– Пока не жаловались. На полигоне испытания прошла с блеском. – Тимохин с кряхтением выволок из-под стеллажей патронный ящик. – Конечно, не для простого бойца, гадского отношения к себе эта цаца не терпит. В полевых условиях начинала тупить только тогда, когда солдат загаживал ее донельзя, так, как только наши таланты и умеют. Будешь ухаживать – не подведет.

– Дык это с любой пушкой так, – согласно кивнул Серый. – Мы это дело очень подробно проходили. На личной шкуре, так сказать. Ну и последний вопрос, значит. Комбезы нам, как понимаю, улыбнулись по известной причине, а с этой пушкой как? Трофей все ж таки тоже не слабый.

– Э-э... м... – Тимохин замялся. – Не знаю уж откуда, но значительная часть городских банд и сталкеров вооружены достаточно неплохо, м-да... поверьте, там есть образцы и получше вашего АК-110 м. Оружие не только российское, хватает и натовских стволов, и совсем уж экзотики вроде модульных автоматов... безгильзовые боеприпасы, сверхточное снайперское оружие едва ли не штучного изготовления, гранатометы и прочая, и прочая... не спрашивайте. Не знаю, откуда у бандитов и самого разного сброда такие пушки.

– Я догадываюсь, – с трудно скрываемым раздражением в голосе произнес Яковлев. – Знали бы вы, господа хорошие, какие деньжищи теперь крутятся в сфере оружейного бизнеса той же самой Европы, я уж не говорю про США. И какие деньжищи делаются со всех Зон мира вместе взятых, тоже, думаю, объяснять не нужно. Тут вам и спрос, и предложение, и почти бесплатные полевые испытания в самых суровых условиях – благодать, да и только.

– Оружие, естественно, без маркировки, – хмыкнул Шелихов.

– Определенно без каких-либо клейм, – кивнул ученый. – Очень и очень знакомая картинка, не находишь, сталкер?

– Так точно, нахожу... – Семен вздохнул. – Видели такие стволы.

– Была когда-то странная группировка в той еще Зоне. Фанатики, что-то вроде странной секты, очень неплохо вооруженной европейским и американским оружием. Нужно заметить, прекрасного качества, явно фабричного производства, причем ни один производитель ни разу не признался, что это его поделки. Наши комиссии их представителям чуть ли не в нос трофейным оружием тыкали, а те – знать, мол, не знаем, ведать не ведаем, морды честные, глаза честные, улыбки что твои оскалы. Подавайте, говорят, в высшие инстанции, пусть расследуют. И, заметь, сколько ни подавали, по результатам ноль целых ноль десятых. А мы потом удивляемся, откуда это у американцев лазерное оружие появляется на наших, родных анобах и как получилось, что в Бельгии уже выпускают электромагнитные ружья, угадайте, на каких блоках питания. Бартер, мать их...

Не впервые Шелихов слышал, как нобелевский лауреат академик Яковлев вворачивает крепкое словцо, бывает, что и не одно. Теперь тираде ученого мог бы позавидовать матерый сталкер – Яковлев был по-настоящему разозлен и расстроен.

– Подумать только... первое, представляете, первое же исследование первого аноба, а также, соответственно, первое использование было проведено исключительно в военных целях. Мало нам было других опаснейших дубин, чтоб друг дружку по черепам охаживать. Идиоты...

Тимохин, спросив, будут ли еще какие просьбы, с грохотом закрыл дверь и начал мелким, похожим на длинную строчку запятых почерком заполнять несколько серых бланков. Яковлев, не дожидаясь, размашисто поставил подписи и отправился по своим делам, буркнув, что и так потерял чересчур много времени и его ждут. Семен же, зевнув, пошел высыпаться перед выходом.

Утром, еще до рассвета, Шелихова разбудили. Незнакомый, немного запинаящийся лаборант в мятом синем халате осторожно постучал Семена по плечу, пробубнив «уважаемый... это... ждут вас», и сталкер, облачившись в грубоватый, но при этом удобный камуфляжный костюм, поднял с пола разгрузку и полупустой рюкзак. Снаружи были еще густые осенние сумерки, непривычно прохладные после обжигающе жаркого лета, и из почти черного леса над грязным асфальтом и путаницей засыхающей травы медленно плыл густой сероватый туман. По ногам повеяло влажным холодком, в воздухе пахло утренней свежестью и лесной прелью. Шелихов нащупал сигареты, закурил и, кивнув на лес, сказал:

– Ишь, какой туман... если заморозков не случится, глядишь, мировые опята пойдут, да и беленьких можно будет поискать в березняке. Эй, наука, вы как, в лес за грибами не ходите? Рядом ведь.

– А? – Лаборант с удивлением оглянулся. – Э-э... нет. Туманы, говорите? М-м... вот, странно, кстати. Да...

– Тебя как звать? – спросил Семен запинаящегося парня.

– Дмитрий Анатольевич. Да... туманы это от Москвы. Непонятное метеорологическое явление. Здесь это... почти каждую ночь весь лес белым заливаает, ну. У нас даже есть тут одно... м-м... наблюдение, да. После заката и часов до шести утра примерно туманы, да такие, что руки не видно. Мы в это время, ну, кто в ночные смены в лабораториях, за ворота не выходим. Тут заблудиться можно, и... ну, время плохое. Москва тут... рядом почти.

– Время плохое, говоришь... – Шелихов задумчиво посмотрел на тонущие в сером мареве лес, стены, вышки и глубоко затянулся, пытаясь прогнать зябкое, неприятное ощущение в груди. «Перед поездкой точно вмажусь институтским средством, – подумал Семен, – хватило бы его до конца ходки», на что кто-то ехидно и почти ощутимо прошептал: «Ну, до конца твоей-то ходки его точно хватит».

– Ну, да. Время туманов, – совсем тихо проговорил лаборант Дмитрий Анатольевич. – Это... до свидания. Ваше оружие и патроны получите на пропускнике. И... э-э... удачи вам.

– Шелихов! – окликнули с поста, и Семен получил на руки выбранный вчера автомат, четыре магазина к нему и две коробки крупной картечи. Также неразговорчивый хмурый лейтенант выдал ему полностью оформленный допуск «младшего научного сотрудника», дождался, пока Шелихов поставит свои закорючки на каждом из десятка серых казенных листов. Вместе с Семеном к столу подошел еще один тощий, хлипкого вида мужичок с буквально орлиным профилем и очень знакомым бронзовым загаром кожи – этот оттенок был виден даже несмотря на некоторую природную смуглость. Загар был слишком типичным, а лицо – обветренным.

– Недавно оттуда? – тихо спросил Шелихов.

– Здравствуй, дорогой. – Незнакомец широко, приветливо улыбнулся. – Смотрю, ты тоже там был, да? Рыбак всегда найдет коллег даже в бинокль. Серый, да?

– Он самый. – Семен даже немного удивился.

– Значит, живой ты. Хорошо. Меня помнишь? Я Вах, так там звали, а вообще я Гагик.

– Здорово, Вах. Не помню, извиняй.

– Ну что, правильно, не помнишь. Совсем был плохой, очень трясло тебя тогда. Я вместе с Матологом тебя выводил.

Шелихов промолчал.

– А я вот согласился тут поработать, – сообщил Вах. – Всегда хотел Москву посмотреть. Мечтал. У меня ведь брат в Москве жил, а я ни разу к нему и не приезжал – дела все, дела... потом брат разорился, в Зону поехал, и я с ним. Он там тоже торговал, магазин сделал, а я просто в Зону ходил, только деньги собрал, и тут – бац... э-эх... хоть так посмотрю.

– Делать тебе нечего, дружище. – Шелихов невесело улыбнулся. – Москвы уже нет...

– Не говори так. – Гагик поморщился. – Почему нет? Дома, улицы, Кремль остались, не развалились. Красиво, понимаешь? Всегда хотел посмотреть. Нет, правда очень хотел – брат рассказывал, какая красота там. С детства мечтал сам по улицам походить. Жаль, с людьми опоздал познакомиться.

– Так ты что, за красотой туда идешь? – искренне удивился Семен.

– Да, за красотой, – широко улыбнулся Вах. – Деньги, конечно, дают хорошие, но их и в Зоне можно найти. Но в Зоне, знаешь, красоты нет... ну, может, и есть, но я ее не вижу. А человеку нужна красота, он без нее чахнет. Мечта тоже нужна, чтоб человеком всегда оставаться. Вот я иду за мечтой. Надо.

– А не дурак ли ты часом, уважаемый? – беззлобно, полушутливым тоном спросил Шелихов.

– Конечно, пока еще дурак. – Вах негромко хохотнул. – Вот когда найду красоту, стану умнее. Заодно и хорошим людям помогу, ученым. Авось не сгинем, найдем, кому чего надо.

– Ну что же, удачи, бродяга.

– И тебе. – Вах крепко пожал руку. – Береги себя, сталкер.

Сталкер махнул на прощание рукой, кинул на плечо автомат, такой же, как и у Семена, и потопал к небольшой группе ученых. Скоро подъехал уазик, группа оперативно погрузилась в него, и машина исчезла в серой пелене лесной дороги, только некоторое время был еще слышен звук мотора. «Ботаник» Серого где-то задерживался, не было и бойца сопровождения, и потому Семен, стараясь унять мандраж, начал прохаживаться по двору. Ожидание затягивалось. Возшло солнце, начало ощутимо припекать, хотя туман почему-то не спешил расходиться – над землей по-прежнему висела легкая серая дымка. НИИ, а точнее, ЦАЯ, его так называемый «полевой филиал» уже давно работал, да и, похоже, не прекращал работать и ночью: вялые, сонные лаборанты и младшие научные топали к приземистой двухэтажке общежития, им на смену выходили другие. В здании что-то надсадно гудело, потрескивало, из бронированной инкассаторской машины выносили тяжелые, похоже, освинцованные ящики с надписями «Аномальный объект. Чрезвычайно опасно! Вскрывать только в боксах ОЗБ!». Все как было там – те же лица, коробки, бронзовый загар, даже само здание, и в этом Семен был уверен, пустовало довольно продолжительное время, прежде чем его заняли эти чудные «ботаники» из какого-то там ЦАЯ, то бишь «Центра Аномальных Явлений», о котором раньше Шелихову слышать не приходилось. Но в том, что институт имеет к Центру непосредственное отношение, Серый даже не сомневался.

Семен присел на полуразваленную садовую скамейку в тени большого куста сирени, вытащил из пачки последнюю сигарету. Закурил, подумав о том, что теперь с табаком могут возникнуть трудности – магазинов поблизости точно не было, а в Москве далеко не факт, что осталось что-нибудь на полках брошенных супермаркетов – если не увезли владельцы, так

точно уже растащили местные бродяги. Тяжелая, сонная апатия и тревожные предчувствия создавали особенно тягостное настроение, и Шелихов настолько ушел в свои мысли, что даже не заметил, как возле него появился и робко откашлялся высокий худой мужчина в мешковато сидящей «камуфле».

– Здравствуйте... меня зовут Игорь Андреевич Лазарев. Вы, насколько я понимаю, проводник...

– Серый. Называй Серым, мне так привычнее, ну и примета такая есть. Если официально, то Семен Шелихов.

Серый присмотрелся к Игорю внимательнее. «Ботаник», стопроцентный «ботаник», к виду которых Шелихов привык еще в Зоне: очки, посаженные чуть ли не на кончик носа, от чего «ботаник» мог быстро, с каким-то особенным, внимательным прищуром глянуть на собеседника. И взгляд тоже особенный, какие только у увлеченных людей бывают: немного отстраненный, добродушный и одновременно с этим доверчивый чуть ли не до наивности. Ох, немногие ученые с такими вот открытыми, честными глазами выживали в реалиях Зоны, сколько раз было, что полагались эти научные ребята на какого-нибудь встречного бродягу. И ведь даже мысли не допускают, что оный бродяга, который только что в лицо улыбался и обещал до базы провести, потом просто выстрелит в затылок на какой-нибудь тихой тропе, чтоб научный комбез пульей не портить. Не шла впрок такая наука «ботаникам» Зоны, и потому нередко в продаже у нечистоплотных барыг бывали комбезы-самodelки из особенно стойкой зеленой ткани, а также детекторы научные и весьма недешевые аптечки. Была у Игоря и борода – какое-то неписаное правило бывало у ученых Зоны, что-то вроде знака отличия: в Зону если выходил, пусть даже на окраину, но если «полевая работа», какой бы пустяковой она ни была, состоялась, «ботаник» обязательно отпускал бороду, бородку, иногда даже бородищу широкой лопатой. Настоящая традиция возникла, которую все негласно соблюдали, – по слухам, даже один из академиков, носивший небольшую бородку клинышком, специально вышел в Зону, чтобы сохранить свое украшение, не нарушив обычай. Так что этот «ботаник», Игорь, в Зоне был почти наверняка.

– Лазарев, значит... – буркнул Семен. – Выходы были?

– Да... ну, конечно, – негромко ответил ученый, почему-то смущенно улыбнулся и пригладил бородку. – Это... м-м... заслуженный знак, не подумайте...

Игорь помолчал, потом хмыкнул и почему-то махнул рукой, словно отгоняя муху:

– А... ладно, пусть...

– Ты о чем это? – спросил Шелихов.

– Да вот мы с Андреем все-таки рассчитывали попасть к... кхм... – Лазарев покусал нижнюю губу. – М-м... ну, думали, нас другой проводник поведет. Вах, кажется? Он сегодня приезжал, из Зоны.

– Да, Вах, – кивнул еще один человек, видимо, Андрей, с заметной неприязнью посмотревший на Серого. – С нами должен был идти Вах, сталкер. Из Зоны. Но его еще с утра перехватила группа профессора Савицкого. К сожалению.

Шелихов вспомнил, что академик говорил о военном, который должен был идти с ними, но невысокий, крепко сложенный мужчина лет примерно тридцати на человека армии был не очень похож, скорее либо на ученого, либо на сталкера-одиночку. Особенно странной для Семена была манера говорить – Андрей произносил слова негромко, медленно, как будто даже мягко, что так не вязалось с привычным для сталкера образом военного. Впрочем, и встречаться сталкеру с армейцами приходилось только на блокпостах, где обычным делом был грубый, рывкающий окрик, сощуренный злой взгляд и ствол автомата, словно ненароком направленный в живот. Говорили, что давно не стреляют военные в вольных бродяг, а с одной группировкой чуть ли не дружат, но, как бы то ни было, память крепка была у всех. Хорошая, прочная память у сталкеров, запомнивших поборы на постах и пулеметы на вышках. Да и у

военных она ничуть не хуже: кусок смертоносной зонной дряни в окно или пуля из ночной темноты запоминаются надолго. Но неприязненный, колкий взгляд, в котором так явно читалось сомнение, был, похоже, связан не с былой враждой. Шелихов понял, что Андрей скорее всего в курсе, что выделили им в проводники «окурка», сталкера, чьи шансы в Зоне приближаются к нулю. Ничего обидного в этом для Семена не было – Зона приучила к тому, что в ходку сталкеры брали только такого напарника, который не подведет, не сдрейфит в неподходящий момент, который все-таки чего-то стоит как проводник. В обычной жизни напарники Зоны даже друзьями могут не быть, так, коллеги. По большому счету, в Зоне людям обычно начхать на то, кто о чем думает, мечтает, чего хочет, – это обычно лишь материал для простого трепачения у костра, не более. Гораздо важнее знать, что вон тот плюгавый очкарик в пестром комбинезоне может провести по самым гиблым местам Зоны, что в его группах никто и никогда еще не влетал в аномалию, однако с оружием этот «профессор» обращается, скажем так, не очень уверенно. Зато у барной стойки угощается пивом коренастый широкоплечий крепыш с наголо обритым черепом и диким взглядом. На вид – суровый сталкерюга, однако все в курсе, что Зону он знает плоховато, и максимум, на что способен, так это по окраинам ходить. Зато со всем, что убивает, не важно, пулей или клинком, этот товарищ обращается не просто хорошо – виртуозно. По отдельности ни тот, ни другой далеко не уйдут, но в паре это уже серьезная сила, настоящая крепкая связка профессионалов своего дела. И они оба это знают, и пусть даже никакой дружбы между ними нет, однако и тот, и другой ни секунды не сомневаются, кого взять с собой в Зону, чтобы иметь некоторые шансы выжить, а при особой удаче – даже что-нибудь оттуда припереть.

И поэтому Серый прекрасно понимал Андрея. Одно дело – странный, мечтательный, немного даже двинутый, но все-таки не перегоревший, опытный сталкер Вах, которого ловко перехватил какой-то более удачливый профессор, и совсем другое – вот эта «горелая» непонятность с недельной щетиной и затравленным взглядом. Наверно, уже прикидывает шансы выжить, а то и планирует отказаться от выхода. Ну и черт с ним... самому-то не особо хотелось туда переться.

– Шелихов Семен. Лучше просто Серый. – Сталкер протянул руку, и Андрей после некоторой заминки все-таки ее пожал.

– Капитан Андрей Ткаченко. Сопровождение экспедиции. А теперь, с вашего позволения...

– Эй... – только и успел произнести Шелихов, когда капитан, не особо церемонясь, снял с его плеча «навороченный» модульный автомат и, не поворачиваясь, пошел к зданию НИИ. Через какое-то время там послышалась ругань и даже, как показалось Шелихову, звук удара. Вскоре Ткаченко вернулся, держа в руках обычный АК-79 и самозарядный дробовик с увеличенным магазином.

– Держи, наука, – буркнул он Лазареву, передавая ему автомат. – А это, соответственно, вам. Все подписано. – И Шелихов получил дробовик.

– Я что-то ни разу тебя не понял, уважаемый, – Серый почувствовал злость. – С какой стати...

– С той пушкой был знаком? – спокойно спросил капитан. – Уверен, что нет. Так какого черта хватаешься за незнакомое оружие, сталкер? Зона ничему дурака не научила?

Гневный возглас потерялся на выдохе, Семен разжал кулаки... а ведь прав вояка. Незнакомое оружие, его правда. Что от него ожидать – пока ни разу не понятно, а Город отнюдь не испытательный полигон, чтоб по мишеням стрелять и, если что заклинит, вернуть ствол изготовителю с письменной претензией. И хоть наметан взгляд у Шелихова на стволы, хоть и показалась на первый взгляд пушка надежной и крепкой, да и на второй тоже, лучше уж свое знание лишний раз не показывать. Ну его, это самое знание, вместе со всем своим прошлым. Запомнить нужно крепко теперь, что оружие – это не то, в чем он хорошо разбирается.

И еще в одном был прав капитан, выбрав этот дробовик. «Итальянец», явно охотничья модель – двенадцатый калибр, достаточно длинный ствол, не полицейский «коротыш», в котором картечный удар не добирает достаточной мощности и дальности. Магазин на восемь патронов, причем видно, что доделывали его в мастерской местные Кулибины, и доделывали качественно.

– Дробовик одного моего доброго знакомого. Ему-то уже ни к чему, а тебе согдится. Машина действительно надежная, в деле проверенная. Береги. А теперь слушайте сюда. Вести группу буду я, так у нас шансов будет побольше.

Андрей сделал паузу, внимательно посмотрев на Шелихова. Серый просто кивнул.

– Значит, возражений не имеется. Добро. С маршрутом я вас ознакомлю на месте, там же получим все вводные. По машинам, господа хорошие.

«– Не может быть, – тихо прошептал Шелихов, внимательно глядя в спину только что прошедшего по вечерней улице человека.

– Не может этого быть... это просто невозможно. – Семен закрыл глаза, изо всех сил желая проснуться, потому что здесь этого не могло быть в реальности. Это ведь была уже не Зона.

Это была Москва. И весь тот ужас, от которого Шелихов пытался убежать, находился теперь очень далеко отсюда, в другой стране, его отделяли от Зоны сотни и сотни километров. Бояться было нечего. Ну конечно, это просто привиделось. Бывает...

Но тошное, жгучее чувство уже перехватило дыхание, задрожали колени, и Шелихов подумал, что его сейчас вырвет.

– Бред. Он мне почудился... просто нервы ни к черту, – прошептал Шелихов самому себе. – Откуда он здесь? Глюк... точно глюк...

Успокоиться не получилось. Не похоже это все было на галлюцинацию. Слишком уж четко, детально, в подробностях. Слишком реально для того, чтоб быть обманом чувств.

Сначала был запах. Очень знакомый запах – уксус и вонь погреба, когда в летнюю жару там протухает банка-другая соленых огурцов. Теплый ветерок самого начала июня особенно хорошо переносил запахи, и поэтому за несколько секунд до того, как из-за поворота показалась темная фигура, Шелихов точно знал, что именно идет ему навстречу.

По отчетам «ботаников», при «формировании матричного псевдоорганизма на трупе» часть органов по не до конца понятным причинам консервируется – останавливаются процессы гниения и происходит даже частичное восстановление некоторых функций, за счет которых «матрица» способна передвигаться, реагировать на простые раздражители и даже пытаться говорить, причем у говорящих «псевдоорганизмов» иногда отсутствовал не только мозг, но и большая часть черепной коробки. Как поговаривали сталкеры, ученые уже почти разобрались с причинами возникновения этих «матриц», но только «почти» – вроде бы виноваты оказались какие-то пространственно-временные петли и смещения, но большинство вопросов оставалось нерешенными. Понятно было только одно – и на ученых, и на военных, и даже на бывалых бродяг вид ожившего трупа оказывал одинаково тягостное, тоскливое впечатление. Пусть даже и не опасны они были, за исключением, пожалуй, тех случаев, когда стаей в угол зажмут или окружают, однако в районах бывших кладбищ или городков, которые Зоной накрыло в прошлую Катастрофу, сталкеры почти не появлялись, и лагерей там никто не делал. Жутко, просто до скулежа жутко там даже днем проходить, не говоря уже о том, чтоб ночь у костерка скоротать. Не сказать чтоб сильно трясло Шелихова при виде зомби, хотя и старался он обходить этих тварей десятой дорогой, но сейчас, здесь, в тихом переулке московской окраины, Семен просто примерз к земле, не в состоянии даже сделать шага на подгибающихся ногах.

Оно прошло совсем рядом, обдав волной прохладного уксусно-кислого воздуха, и, деревянно переставляя ноги, потопало дальше неровным, спотыкающимся шагом. Шелихов обернулся ему вслед и, не в силах отвести взгляда, смотрел и смотрел на пятнистую серую лысину, перекошенные плечи и грязный, расплзающийся по швам пиджак. В память почему-то особенно врезались отставившие плоские подошвы ботинок без каблучков, сухо шаркавшие по асфальту. И почему-то не кислая подвальная вонь и глубоко ввалившиеся блеклые глаза «матрицы» заставили Шелихова поверить в то, что он только что видел, а именно эти отчетливые «шрх... шрх... ш-шрх» развалившейся обуви, изначально не предназначенной для прогулок...

Что нашло на него тогда, он и сам сначала не понял. Семен, словно вынырнув из тяжелого ступора, быстро, насколько позволяли отнимающиеся ноги, пошел в сторону небольшого кладбища при местной церкви, до которой было всего пять кварталов. Шелихов еще надеялся, что не увидит развороченной могилы, что зомби на самом деле не было, и тогда он обязательно, непременно дойдет до врача, и врач поможет, конечно же, поможет, пусть даже эти таблетки и уколы заставят погрузиться в тихое, тупое болото апатии. По крайней мере это намного лучше, чем навязчивые призраки Зоны, чем этот жгучий страх, мешающий жить. Да... возможно, его положат в дурдом, но даже это казалось Шелихову спасением: диагноз означал бы, что Зоны на самом деле нет, а этот смертельно надоевший, невыносимый страх – всего лишь следствие болезни. Тогда бы Семен успокоился. И даже, может быть, выздоровел. Ну а пока проверить. Да, обязательно нужно проверить кладбище – если это и в самом деле Зона, то он увидит. Поймет.

Это действительно была Зона. Могилу Шелихов нашел сразу, на окраине, среди свежих, не просевших еще холмиков, закрытых венками. Полузасыпанная овальная дыра в песке, казавшаяся почему-то маленькой, через которую ну никак не могло пролезть тело взрослого человека. А в яме доска с лохмотьями красной ткани, расколота сильным ударом, и еще какие-то длинные синие тряпки, скрученные жгутами, грязная кисея, втоптанная в свежую землю. И сильный уксусный запах – «матрицы» в отличие от обычных, «нормальных» мертвецов распространяли стойкую кислую вонь, особенно в первые месяцы своего странного посмертного существования. Поэтому сомнений больше не оставалось.

Семен обернулся и, едва переставляя ноги, пошел к воротам кладбища, где его и скрутило рвотным позывом. Отплевавшись горькой слюной, он после долго стоял, привалившись спиной к кирпичной арке, не замечая странных взглядов проходящих мимо него людей, пока кто-то не вызвал полицию... дальше Шелихов помнил все смутно. Вопросы, которые со скупым выражением лица задал ему молодой сотрудник, тихий, потрясенный мат от него же, когда слова Семена проверили, оцепление, чей-то злой крик, стремительно собиравшаяся толпа зевак, которую никак не могли разогнать несколько вызванных нарядов полиции...

Семена тогда не допрашивали даже – просто, установив личность, отпустили, и Шелихов помнил, как человек в синем халате, которого вызвали в кабинет местного участкового, устало махнул рукой: «Да. Этот тоже бывший... но он горелый. Что? А, ну, что-то вроде тихо помешанного – толку не будет и вреда тоже. В общем, отпустите. Он здесь ни при чем, мы проверили».

– Приехали, господа. Вытряхиваемся. – Андрей отвлек Шелихова от воспоминаний, подобрал рюкзак и автомат. – Дальше лошади не пойдут.

Шелихов вышел из «Газели», видимо, бывшей московской маршрутки, сощурился – несмотря на пасмурную погоду, светло-серое небо почему-то резало глаза, словно от яркого света. То, что машина остановилась в непосредственной близости от Московской Зоны, Семен почти не ощутил – так, МКАД, широкая лента дороги, разве что необычно тихая, безлюдная, да еще, пожалуй, недостроенная бетонная стена с торчащей из серого камня арматурой. Укреп-

ление было невысоким, над краем стены виднелись верхушки деревьев, кое-где прутья арматуры успели покраснеть от ржавчины. Строительство, видимо, остановилось – участок стены просто бросили, и через секунду Семен понял, почему.

Метрах в пятидесяти от них стоял на полуспусченных шинах цементовоз, там же, у штабелей досок и вагончика-бытовки, виднелись черно-коричневые лужи с горками тряпья, в одной была даже видна рубчатая подошва ботинка. Машина, бытовка и гора песка были окружены полосатой лентой, там же белели таблички «Аномальный очаг. Смертельно опасно!». И Семен вдруг увидел самым краем зрения дрожащую лиловую дымку, легкое марево, пологим конусом уходящее в небо, а также редкие, но яркие синие искорки, выстреливающие из земли и стремительно уносящиеся вверх. Увидев взгляд Шелихова, Игорь негромко кашлянул и проговорил так тихо, словно обращаясь к самому себе:

– М-м... периметр скорее всего будут переносить. Или же не строить вообще – местная Зона, к сожалению, слишком нестабильна, уже бывали случаи выплесков далеко за пределы МКАДа. Да и... не очень эта стена помогает. Кому в Москву надо пройти, те пройдут. И, к сожалению, аномальные организмы тоже... м-м... выходят наружу, если очень того хотят. И очаги... ну, вы сами видите.

Семен вздрогнул, словно до него только что дошло увиденное, но опять-таки хоть и бывший, но все же сталкер с удивлением вновь и вновь осматривал Очаг, стену, лес за ней, пытаясь увидеть знакомые признаки Зоны, и не находил их. Даже аномалия была Шелихову не знакома – видимо, Яковлев был прав, говоря, что Московская Зона совсем не то, к чему сталкеры хоть немного, но привыкли. Серый нащупал в кармане пластиковый пенал с профессорским «седатином» и немного успокоился.

– Значит, так, господа хорошие. – Капитан, передав водителю «Газели» какие-то бумаги, уселся прямо на бетонный бордюр и расстелил на нем же карту. – План действий следующий. Исследовать мы должны район ВДНХ и, по возможности, все, что близ него лежит. Идти будем через бывший национальный парк Лосиный Остров – по показаниям беспилотников, аномальная активность там невысокая... ну, вроде бы невысокая. Там наши шансы несколько повыше, чем ежели бы мы поперлись по проспектам да улицам – шакаля становится все больше, Москва город богатый. Зверье может быть в наличии, но его вряд ли много. Пройдем вот здесь... и здесь. – Андрей провел карандашом тонкую линию. – Если все нормально сложится, то выберемся как раз к железнодорожной линии, и вот здесь... на улицу Космонавтов. Куда, собственно, мы и собирались.

Андрей вздохнул и потер нос.

– ВДНХ и все, что рядом... как бы это сказать... популярностью среди мародеров, мягко говоря, не пользуется. Насколько известно, местные группировки даже и не помышляли делить этот район, не нравится он им очень... По некоторым данным, сгинуло там немало народу, в основном, конечно, мародеры, местные новоиспеченные сталкеры и прочий сброд. Но, врать не стану, пропала там и экспедиция профессора Снегирева, которую вел Лекарь, весьма опытный мужик. Так что, товарищи, подумайте здесь, подумайте еще раз хорошенько, потому как вы еще не подписаны на задание и машинка пока не уехала.

Игорь вынул из-за пазухи три запечатанных конверта и помахал ими в воздухе.

– Думаем, люди.

– Да ладно. Чего уж там, – немного криво улыбнулся ученый, забирая конверт. – Я давно уже подписался. Я иду.

– Я тоже, – кивнул военный, отрывая полоску бумаги от серого прямоугольника.

Шелихов ничего не сказал, просто подмахнул по очереди подписку о неразглашении, «особый контракт» и еще несколько неприятных бумажек, переводивших всю ответственность за жизнь и здоровье на плечи тех, кому эти самые жизнь и здоровье принадлежали. В среде «полевых» ученых эти бумажки некрасиво назывались «просьбами об эвтаназии», да и

Шелихову еще в той, старой Зоне пару раз приходилось ставить свою закорючку на этих самых «просьбах».

– Ну, вроде все. – Капитан подписал и свои листки, после чего передал документы водителю. – С чем нас всех я и поздравляю.

Перебраться через недостроенную стену оказалось намного проще, чем представлялось Шелихову, – капитан выволок из придорожного кустарника хлипкую на вид лестницу, видимо, сделанную тут же, на месте, приставил к стене, и вскоре вся компания оказалась по ту сторону несостоявшегося «периметра».

– Спасибо местным мародерам. – Андрей пинком сбил лестницу на землю. – Эти товарищи давно привыкли перебираться, скажем так, с комфортом. В районе Ярославского шоссе, говорят, даже ворота уже продолбили, чтоб машины проезжать смогли.

– А как же... охрана? – спросил ученый, но Ткаченко пожал плечами и досадливо сплюнул.

– Охрана, говоришь? Да уже три месяца как все посты с этой дурацкой стенки сняли и перебросили подальше, оцепление теперь почти в километре отсюда. Опасно здесь теперь, наука. Видел, что от рабочей бригады осталось? На пяти блокпостах такая же петрушка случилась, и солдат отсюда увели от греха подальше... у нас всегда так. Ни разу я это начальство не понимаю – периметр строить вплотную к Зоне.

– Глупо, – кивнул Семен. – Зоне-то начхать, она границы соблюдать не станет.

– Это нашим шишкам забыли объяснить, – невесело усмехнулся военный.

Сразу за стеной начинался молодой светлый березняк – осень только начиналась, и все деревья стояли еще зеленые, хотя листья немного посерели от пыли и кое-где в кронах виднелись уже отдельные золотистые пятна. Лес был необычно тихим – как и в той Зоне, птицы, видимо, покинули эти места. Безветрие и духота – день обещал быть жарким – делали лесную тишину глухой, ватной, и некоторое время Шелихов не слышал ничего, кроме похрустывания травы под ботинками. Деревья стояли редко, лес неплохо просматривался, и когда впереди, метрах в тридцати, показалась речка, Андрей взмахом руки остановил отряд.

– К воде не подходить, – различимым шепотом сказал он. – Вон, видите?

И Семен увидел.

За почти полчаса медленного, осторожного продвижения по зарослям Шелихов не заметил ни одного признака Зоны – просто лес, обычные сухие по жаркому лету низинки с шелестящими лентами осоки, молодые елочки у зарастающих тропинок. Разве что тишина, но она и в нормальном, «чистом» лесу обычное дело. Мелькнула даже глупая мысль, что в Москве и Зоны-то нет, так, может, несколько аномалий где-нибудь появилось да зомби местами выкопались, а паника уже на всю страну, эвакуация, прочий бред. Ведь, если подумать, будь в Городе натуральная Зона, неужели бы мародеры смогли из магазинов да квартир барахло таскать? Да ну, ни в жизнь... эти товарищи обычно по краешку ходят, там, где почище и не так страшно, да и рискуют жизнью не за какие-нибудь там телевизоры или сервизы, мелочь это все, а за товар куда серьезнее. А если верить тому же Ткаченко, мародерами Москва буквально кишит, к первому году после эвакуации даже на районы влияния весь город поделили. И хоть и понимал Серый всю безнадежную глупость такого предположения, оно немного успокоило нервы, тем более что за всю предыдущую дорогу Зона себя никак не показывала – одинокая аномалия у бытовки не в счет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.